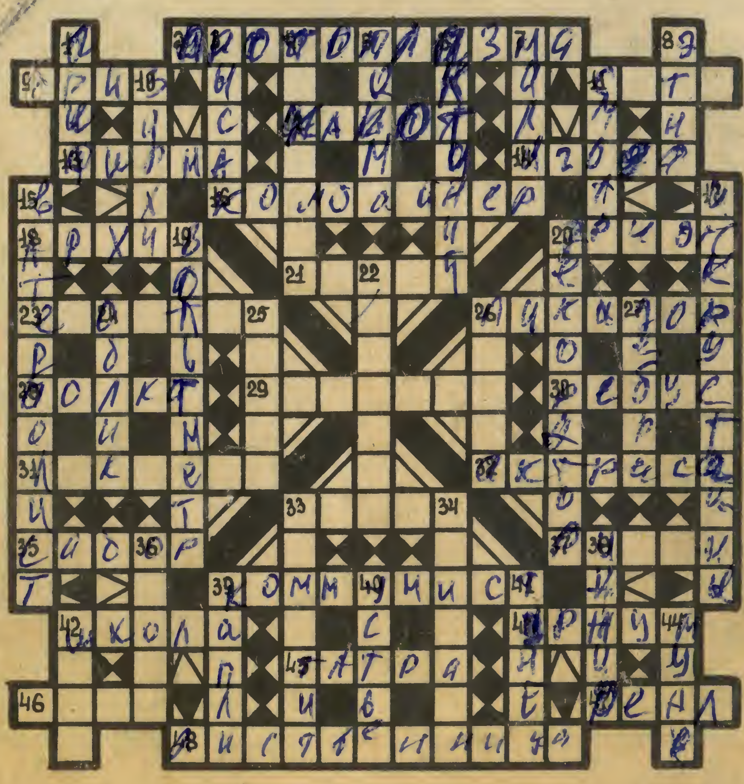
Цена [illegible] коп. Индекс 73755

КРОССВОРД

По горизонтали. 2. Основное вещество клетки, из которого состоят организмы. 9. Легкий прибрежный ветер. 11. Роман Л. Леонова. 12. Луговой волк. 13. Торговое предприятие, пользующееся правом юридического лица. 14. Небольшой плод растения. 16. Механизатор в сельском хозяйстве. 18. Учреждение, хранящее старые документы. 20. Французский писатель. 21. Заяц-песчаник. 23. Река в Предзакавказье. 26. Участник боя быков. 28. Подставка для нот, книг. 29. Русская народная игра. 30. Род загадки. 31. Русский астроном, установивший, что Уран — планета. 32. Исполнительница ролей в театре, кино. 33. Спортивная игра. 35. Культовое здание. 37. Международный гроссмейстер из Венгрии. 39. Кинофильм Ю. Райзмана. 42. Учебное заведение. 43. Город, родина С. М. Кирова. 45. Марка чехословацкой автомашины. 46. Перекрытие между двумя колоннами, пилонами. 47. Денежная единица государства на Аравийском полуострове. 48. Хвойное дерево.

По вертикали. 1. Хищная птица. 3. Порода лошадей. 4. Войлочный казахский ковер. 5. Место, заливаемое во время половодья. 6. Химический элемент. 7. Рабочая специальность. 8. Самый высокий вулкан в Европе. 10. Советский кинорежиссер, постановщик фильмов «Член правительства», «Депутат Балтики». 14. Публичный показ результатов деятельности. 15. Спортсмен. 17. Способ украшения изделий. 19. Контрольный прибор в сети электрического тока. 20. Работник сцены. 22. Рассказ А. Чехова. 24. Внешний вид, наружность. 25. Размер шрифта. 26. Лопасть пароходного колеса. 27. Непроходимый лес. 33. Минерал, важная руда железа. 34. Столица государства в Африке. 36. Горная порода, богатая кремнеземом. 38. Южное плодовое дерево. 39. Жидкая лекарственная форма. 40. Место впадения реки. 41. Крупная морская промысловая рыба. 42. Представитель народности в Непале. 44. Плотная шелковая ткань с отливом.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА И РЕДАКЦИИ:
101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Телефон редакции: 928-97-42

ISSN 0234—1824

ГОРИЗОНТ

4•89 Общественно-политический ежемесячник

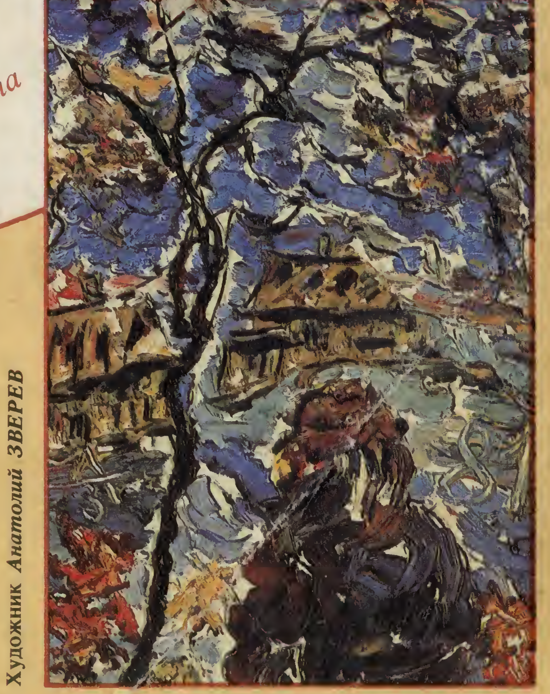
Игорь Петрухин:
«СУДЕБНУЮ РЕФОРМУ НЕЛЬЗЯ РАССМАТРИВАТЬ КАК ЧИСТО ЮРИДИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ»

Михаил Малютин
ЭТИ БЕСПОКОЙНЫЕ «НЕФОРМАЛЫ»...

Вячеслав Басков
ЗАОЧНОЕ ИНТЕРВЬЮ С НАЧАЛЬНИКОМ БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ СЕКРЕТАРШИ

Стихи Наума Коржавина

ТЕАТР на ТАГАНКЕ: ***год 68-й и другие, или Как запрещали «Живого»***

Художник Анатолий ЗВЕРЕВ

...Надо решать острейшие национальные проблемы.
Надо делать экономику не «экономной»,
а просто настоящей экономикой;
нужна твердая финансовая основа всей экономической жизни;
нужно «учиться торговать» как внутри страны, так и вовне,
налаживать нормальные экономические и культурные
взаимоотношения с соседями по планете.
Надо сокращать вооружения, ставить под контроль общества
различного рода «органы»; нужно проводить реформу
политической системы, реорганизовывать партию;
наконец, надо добиваться даже того, чтобы всякий
настоящий специалист в своем деле
ценился хотя бы не меньше любого «идейного» демагога.
...Если мы с этими проблемами
обратимся к любому тому ленинских Сочинений...
готовых ответов на то, как нам это сделать сегодня,
после 60 лет «острого», а затем «хронического» сталинизма
и в совершенно другой международной обстановке,
мы не найдем.
Но зато там есть нечто большее:
видение общего масштаба задачи
и отрицание любых частных схем социализма,
этому всемирно-историческому масштабу не соответствующих.
Там есть, пожалуй, главное завещание: во всем исходить
из интересов реального развития,
а не из интересов какой-либо предвзятой идеи,
тем более что в интересах такого рода «идей»,
как правило, довольно скоро персонифицируются
интересы отдельных групп, а отнюдь не всего общества.
Если того требовала жизнь, Ленин был способен
не раз и не два развернуться на 180 градусов
по отношению к тому, что еще вчера было догмой,
и пойти навстречу потоку, поначалу создавая вокруг себя
бурные водовороты, но постепенно увлекая
большую часть потока за собой.

Из книги А. Рубцова и А. Разумова «ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ В. И. ЛЕНИНА», вышедшей в издательстве «Московский рабочий»

4 (461) • 89 | ГОРИЗОНТ

Общественно-политический ежемесячник

Сдано в набор 27.02.89. Подписано к печати 30.03.89. Л22542. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 2. Гарнитуры «Литературная» и «Журнально-рубленая». Печать высокая. Усл. печ. л. 3,57. Усл. кр.-отт. 5,04. Уч.-изд. л. 6,03. Тираж 100 000 экз. Заказ 4550. Цена 15 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий», 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8. Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Г $\frac{0302030800-229}{М172(03)-89}$ Без объявл.

СОДЕРЖАНИЕ

На вкладках и 3-й стороне обложки: художник Анатолий ЗВЕРЕВ

Игорь Петрухин

НА ПОРОГЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ

В последнее время нашу прессу буквально заполонили публикации, рассказывающие о серьезных изъянах в деятельности правоохранительных органов. Нам и раньше доводилось слышать, что в милиции бьют, на следствии добывают признания, в суде хозяйничает прокурор и дремлют покорные заседатели, в тюрьме невыносимо... Но и при самом пылком воображении картину произвола и беззакония, нарисованную в газетах, трудно себе представить. Например, «витебские дела»: некто Михасевич в 70—80 годах изнасиловал и убил 34 женщины. Представьте, многие из этих преступлений значились раскрытыми — 14 невиновных оказались осуждены... вместо Михасевича, причем один из них был расстрелян. Почти тогда же возникли «гомельские дела»: пять невиновных признали себя виновными в убийстве следователя и инспектора рыбнадзора и были осуждены к длительным срокам лишения свободы. Настоящие же убийцы — братья К. с сыновьями,— пользуясь безнаказанностью, совершили еще два убийства и 13 хищений.

Правоохранительные органы, стремясь избежать упреков в неспособности раскрывать преступления, нередко лишь изображают бурную деятельность. Вспомним хотя бы дело бывшего проректора ВЮЗИ профессора Н. П. Кондратенко, которому приписали получение взяток. Обвинение рухнуло как карточный домик, и Кондратенко был полностью реабилитирован. Но длительное содержание под стражей в невыносимых условиях, издевательства и унижения, которым он подвергался, подорвали здоровье уже немолодого человека.

Перечень подобных случаев можно было бы продолжить. В значительной мере — это наследие периода застоя. Но и в наши дни нарушения законности не так уж редки.

Гласность, вызванная к жизни перестройкой, позволила заглянуть в темные камеры следственных изоляторов, поприсутствовать на изнурительных допросах, окунуться в душную атмосферу судебных заседаний. И стало вдруг предельно ясно: хватит пустопорожних разговоров об укреплении правопорядка вообще, нужна серьезная реформа правоохранительных органов, которая закрыла бы всякие лазейки для недобросовестных следователей и судей. Именно об этом четко сказано в резолюции XIX Всесоюзной конференции КПСС «О правовой реформе».

* * *

Истории известны радикальные судебные реформы. Эпоха буржуазных революций, особенно Великая французская революция 1789 года, ознаменовалась отказом от теории формальных доказательств (когда сила каждого доказательства заранее устанавливалась законом) и введением оценки доказательств по внутреннему убеждению судей; судебная власть была отделена от законодательной и исполнительной (теория разделения властей). Судьи стали подчиняться только закону. Была низвергнута «святая» инквизиция, пославшая на костры и сгноившая в подземельях миллионы людей. Признание

И. Л. Петрухин, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права АН СССР.

обвиняемого перестало считаться «царицей доказательств». Отменялись пытки. Суд стал гласным и состязательным с правом обвиняемого на защиту и презумпцией невиновности, возник суд присяжных; расцвела адвокатура.

В фарватере мирового исторического прогресса шла и Россия, где в 1864 году были приняты правовые акты — уставы гражданского, уголовного судопроизводства и учреждение судебных установлений.

Судебная реформа в России устранила инквизиционный порядок расследования преступлений; лишила полицию и жандармерию права проведения следственных действий и несанкционированных арестов; закрепила учрежденный в 1860 году институт судебных следователей, которые были отнесены к власти судебной, не зависящей от прокуратуры и других государственных органов; превратила прокурора из вездесущего «ока государева» в обвинителя при суде — сторону, равную по своим правам с защитником; ввела гласное и устное судопроизводство, поставив его под контроль общества.

Слом старой судебной системы и отмена отжившего права в октябре 1917 года, возникновение рабоче-крестьянских судов, становление социалистического правосознания — это революционный процесс, который, в сущности, явился одной из самых крупных судебных реформ.

Не обошлось и без неоправданных жестокостей, концлагерей, превентивных мер в отношении лиц, рассматривавшихся как «социально опасные», уголовных наказаний без вины, внесудебной репрессии.

В связи с переходом к нэпу в стране начался поворот от командных методов управления к законности.

В 1922—1923 годах были разработаны и приняты первые советские кодексы — Уголовный, Гражданский, процессуальные. Постепенно отбрасывалась теория «опасного состояния» и превентивных мер, обозначился, а затем и упрочился классический принцип: «nullum crimen, nulla poena sine lege» (нет преступления, нет наказания, если они не предусмотрены законом). Правда, еще оставалось применение уголовного закона к деяниям, прямо не предусмотренным кодексом, обходились без защитника на предварительном следствии, допускалась упрощенная процедура рассмотрения дел в судах.

В конце 20-х годов по инициативе наркома юстиции РСФСР Н. В. Крыленко, а потом и А. Я. Вышинского была предпринята попытка провести новую судебную реформу, суть которой состояла бы в отказе от развернутых процессуальных форм и оставлении в законе лишь общих правовых принципов. Под влиянием этих идей был разработан упрощенный уголовно-процессуальный кодекс, к счастью, не принятый.

Уже сама попытка подготовки такого кодекса свидетельствовала о том, что кое-кто «улавливал» конъюнктуру приближавшихся сталинских репрессий...

Дух правового нигилизма конца 20-х годов подготовил почву для судебной реформы периода культа личности. В сущности, это была антисудебная реформа. Роль судов оказалась сильно приниженной. На первое место по своему значению выдвигалось предварительное следствие, выводы которого являлись решающими. Возникли внесудебные органы уголовной репрессии — особые совещания НКВД, «тройки» и «двойки», которые не были связаны процессуальными формами, но могли применять даже высшую меру наказания. Расстрелы проводились также по спискам, утвержденным Сталиным и его приближенными. Как в средние века, поощрялись и широко практиковались доносы, пытки, добывание признаний любым путем. По закону от 1 декабря 1934 года (принят в день убийства С. М. Кирова) по делам о терактах срок следствия определялся в 10 дней; упразднялись защита, кассация, запрещались ходатайства о помиловании; приговоры приводились в исполнение немедленно. И этот «порядок» был затем распространен на другие «к-р» («контрреволюционные») дела. Многие лица репрессировались как социально опасные элементы при отсутствии их вины в совершении конкретного преступления. Миллионы невиновных людей были расстреляны или погибли от голода и непосильного труда в местах лишения свободы. Максимальный срок лишения свободы был увеличен в 1937 году с 10 до 25 лет. Драконовский закон от 7 августа 1932 года ввел смертную казнь даже за незначительные хищения социалистической собственности. Мешок зерна или рулон ситца стоили человеческой жизни.

После смерти в 1953 году Сталина и развенчания культа личности начался медленный и длительный процесс восстановления законности, реабилитации невиновных, который и до сих пор еще не вполне завершен.

Немало дали для совершенствования нашего правосудия и укрепления законности правовые акты 1953—1956 годов и судебная реформа 1958—1960 годов. В результате сложилась существующая поныне судебная система, ликвидирован внесудебный аппарат уголовной репрессии, восстановлен в своих правах прокурорский надзор, к осуществлению правосудия и перевоспитанию правонарушителей широко привлекается общественность, применяются условное и условно-досрочное освобождение осужденных и т. д.

Но все же реформа была половинчатой, умеренной, несмелой, и ее не смогли как следует дополнить и исправить последующие законотворческие новации. К тому же некоторые из них (например, безвозмездное изъятие дач и автомашин, преследование «шабашников» и «бескорыстных расхитителей» и т. п.) причиняли немало вреда.

В те годы было официально провозглашено, что у нас больше нет политических преступлений. Явный обман. Продолжалось преследование так называемых «инакомыслящих». Именно тогда прошли судебные процессы по уголовным делам о «клеветниче-

ских высказываниях», хранении запрещенной литературы и публикации произведений за границей (А. Гинзбурга, А. Синявского, Ю. Даниэля и других). Преследовались деятели науки, культуры, служители религиозных культов.

Положение не изменилось и в «эпоху» Брежнева. Был лишен высоких наград и выслан из Москвы академик А. Д. Сахаров за в общем-то справедливую критику многих безобразий времен застоя (заметим, что высылка в административном порядке законом не предусмотрена). В те времена покинули Родину видные деятели советской культуры — поэт А. Галич, музыкант М. Ростропович, выслан был писатель А. Солженицын... режиссер Ю. Любимов.

Забегая вперед, скажем, что юристы единодушно высказываются за отмену статей Уголовного кодекса, предусматривающих ответственность за так называемое «инакомыслие», критические высказывания, проявление социального протеста.

В условиях командно-бюрократической системы периода застоя народу продолжали внушать мысль о необходимости «жестоко карать» нарушителей закона, тогда как многие жулики, расхитители, взяточники жили вольготно, получали чины и ордена. Лицемерие, как раковая опухоль, поразило все общество. Правоохранительные органы в этом отношении не были исключением, о чем свидетельствует хотя бы процесс по делу о получении крупных взяток бывшим первым заместителем министра внутренних дел Ю. Чурбановым и ответственными работниками МВД Узбекской ССР.

Преступные группы расхитителей и взяточников вырастали как грибы, а народные суды оказались заваленными мелкими, подчас искусственно создаваемыми делами, где преступление очевидно и не надо утруждать себя поисками доказательств, демонстрировать следственное мастерство,— делами о хулиганстве, самовольном въезде в столицу (к матерям и женам!) лиц, освобожденных из мест заключения, о мелких кражах, автоавариях и т. д.

Латентная (невыявляемая) преступность в сфере народного хозяйства в десятки раз превышает выявляемую.

Феномен «показухи» затронул и суды. Органам Министерства юстиции и вышестоящим судам угодно было, чтобы цифровые показатели судебной работы позволяли рапортовать о неуклонном «улучшении», «повышении» качества отправления правосудия. И что же? Процент отмененных и измененных приговоров действительно неуклонно снижался, что должно было свидетельствовать об укреплении основ законности при отправлении правосудия. На самом же деле снижались требования к приговору со стороны вышестоящих судебных инстанций, а это приводило к оставлению в силе явно незаконных и необоснованных приговоров. Судебная статистика была в «ажуре», а сотни и тысячи невиновных оставались в заточении. Они бомбардировали жалобами вышестоящие суды и прокуратуру, но неизменно получали один и тот же ответ: «Оснований для пересмотра дела нет». Известен случай, когда некто Н., осужденный за убийство, лишь после восьмидесятой жалобы добился своей полной реабилитации. Какое издевательство над людьми, какой позор для правосудия, именуемого самым справедливым в мире! Сколько утраченных надежд, поломанных судеб, горечи и обиды!

Радикальная судебная реформа назрела.

Началась перестройка. И всего лишь за три последних года число отменяемых и изменяемых приговоров возросло втрое. Значит, показатели работы нижестоящих судов ухудшились, но выявляемость судебных ошибок возросла. Дело, однако, не в цифрах, а в людях, необоснованно осужденных, но в конце концов реабилитированных. Одна из задач судебной реформы — закрепить и развить эту здоровую тенденцию.

И еще одно отрадное явление. За те же три года перестройки число оправдательных приговоров возросло более чем вдвое. Значит, и раньше была надобность в вынесении бóльшего числа оправдательных приговоров, но суды их не выносили. Следственные органы и прокуратура оказывали на них нажим. К сожалению, и теперь число оправданных ничтожно (около 0,5% от всех подсудимых). Больше оправданий — могущественнее правосудие. Эта старая аксиома, несомненно, будет учтена при проведении судебной реформы.

Предстоящую судебную реформу нельзя рассматривать как чисто юридическое явление. Она призвана быть правовым инструментом перестройки и обеспечивать ее успех в различных областях — экономической, политической, идеологической.

В области экономических отношений задача судов всячески защищать принцип: за честно заработанные деньги не карать. Нуждается в более надежной судебной защите от бюрократов и рэкета кооперативное движение. Суд призван присущими ему методами избавлять

от стеснений и ограничений арендный и семейный подряд, другие прогрессивные формы ведения хозяйства.

Под защиту закона и суда поставлены производственная инициатива и профессиональный риск. Это нашло отражение в новых Основах уголовного законодательства, где разумный хозяйственный риск, хотя бы и приведший к имущественным потерям, объявляется ненаказуемым.

Суд необходимо превратить в основного гаранта свободы мысли и слова, других политических прав граждан (беспрепятственное проведение митингов, шествий, собраний). Надо, чтобы люди могли обжаловать в суд любые ущемления их политических прав. Столь высокое положение суда в обществе как раз и соответствовало бы идее правового государства.

Идеологическая функция судебной реформы состоит в том, что ей придется проложить путь сквозь хлам отживших представлений и преодолеть сопротивление носителей ложных правовых идей, в частности, о вреде сокращения применения смертной казни, а в перспективе полной ее отмены. Многие не приемлют отмену смертной казни за совершение экономических (крупные хищения, взятки), некоторых особо опасных государственных преступлений. Им как будто неведомо, что человечество уже имеет огромный опыт применения смертной казни, который показал, что эта жестокость не способна преодолеть преступность. Нравственные страдания, раскаяние являются куда более сильным средством искупления вины, чем убийство убийцы. Но дело даже не в этом. Важнее другое: жестокость не способна истребить порок. В 1961 году у нас ввели смертную казнь за особо тяжкие изнасилования, но в последующие годы число таких преступлений еще более возросло. Значит, есть такие нравственные пороки, которые нельзя искоренить даже угрозой смерти. Две причинные цепочки, перекрещиваясь и взаимодействуя, ведут к преступлению: воздействие общества (семьи, школы, улицы) на формирование личности преступника и наследственный код, предрасполагающий к преступлениям некоторых видов в экстремальных ситуациях. Обе причинные связи возникают и развиваются не по вине человека. Родители, передав ребенку неблагоприятную наследственность, усугубляют дело дурным воспитанием, и наоборот, ребенок с хорошей наследственностью может превратиться в преступника из-за воздействия на него неблагоприятных социальных факторов. Какое же право имеет общество, сделавшее человека преступником, перекладывать на него свою вину и даже лишать его самого дорогого — жизни? Смертная казнь не имеет нравственного обоснования. И если она до сих пор применяется, то это происходит потому, что к названным двум цепочкам подключают злую волю преступника. Но ведь эта злая воля возникает не из ничего. Ее истоки — опять-таки воздействие общества и наследственность.

Не только смертная казнь, но и длительное лишение свободы навсегда отторгает человека от общества. Он утрачивает надежду устроить свою жизнь, приобщается к преступной среде, лишается нравственных идеалов. Тюрьмы не лечат, а калечат — это старая истина. Лишение свободы оправдано лишь тогда, когда оно всецело подчинено духовному возрождению личности. К сожалению, наши исправительно-трудовые колонии пока не способны выполнить эту задачу. Подневольный тяжелый труд, несправедливость, грубое обращение, потеря жизненной перспективы — все это еще более озлобляет людей, делает их закоренелыми преступниками.

Реформа должна создать надежные гарантии для всех и каждого, что не повторится 1937 год или что-нибудь подобное. Без уверенности в этом социальный прогресс невозможен.

Неверно, что нет никакой преемственности между нарушениями законности в 30—40 — начале 50-х годов и в наши дни (такую мысль высказал Генеральный прокурор СССР А. Я. Сухарев в статье «Сначала: насчет законности» (Известия. 1988. 25 июня). «Расколоть» обвиняемого, подсадить в камеру «стукача», вести «активный» и «наступательный» допрос, пообещать снисхождение в обмен на признание, арестовать без достаточных оснований в надежде получить все то же признание, проводить обыски наугад (авось что-нибудь обнаружится!), «натаскивать» свидетеля или потерпевшего перед опознанием, вступать с обвиняемым в сделку, сваливая на него нераскрытые преступления,— эти и многие другие применяемые и ныне приемы расследования преступлений — остаточные явления того времени, когда нарушения законности были обычными, дозволенными и даже поощряемыми сверху методами следственной работы. И передавались они от поколения к поколению юристов в виде традиций и опыта следственной работы.

Мы с надеждой идем навстречу судебной реформе, веря, что она покончит с наследием деспотии и произвола в сфере отправления правосудия. Но это лишь начало трудного пути. Далеко не все работники правоохранительных органов всерьез оценили критические выступления прессы. Более того, им как-то удалось поубавить ее гражданственный пафос. Скажи опять следователям: «Надо больше сажать», и боюсь, что это будет выполнено безропотно и даже с радостью. Дай установку судьям: меньше оправдательных приговоров, и таковые могут вообще исчезнуть, как это было три-четыре года тому назад.

Чтобы сделать перестройку общества необратимой, надо потратить не один год на перестройку правосознания самих блюстителей закона и создание более надежных гарантий охраны прав личности.

* * *

Судебная реформа — это коренное преобразование, а не отдельные частности, поправки и дополнения к уже действующему закону. Реформу призваны разрабатывать единомышленники, представители единой научной концепции.

По такому принципу в свое время в течение 20 лет работала в России, например, комиссия графа Блудова, подготовившая шедевр правовой мысли XIX века — Русские судебные уставы; Наполеон I с помощью выдающихся юристов (29 членов Совета и двух проконсулов) в довольно короткий срок (1804—1810 гг.) разработал Гражданский, Гражданско-процессуальный, Уголовный, Уголовно-процессуальный кодексы и Торговое уложение, послужившие основой европейского законодательства на полтораста лет. Кроме того, он радикально изменил систему административно-территориального управления.

Конечно, при подготовке судебной реформы придется изучить и учесть все точки зрения, но стремление просто соединить их в одном правовом акте, идя на компромиссы, привело бы к эклектике, нарушило бы стройность концепции и в конечном счете породило бы серьезные трудности в практике применения права.

Реформа представляется *комплексной*, то есть охватывающей многие отрасли права, применяемые судом, затрагивающей всю цепочку правоохранительных органов, включая МВД, прокуратуру, суды и исправительно-трудовые учреждения.

Нуждается в исправлении действующий закон, который формулирует для следователя, прокурора и суда общие задачи, в частности — раскрывать преступления и изобличать виновных. Пусть этим занимаются только следователь и прокурор, у суда же свои задачи: проверить, раскрыто ли преступление, обосновано ли обвинение, не были ли допущены нарушения законности на предварительном следствии, не пострадали ли при этом интересы государства и граждан. Никак нельзя впрягать в одну упряжку державный суд и поднадзорную ему следственно-обвинительную власть. Плохая работа следственных органов отнюдь не влечет автоматически снижения уровня отправления правосудия, хотя и затрудняет его осуществление. Если не собраны достаточные доказательства виновности, грубо нарушены права граждан, то принципиальный и независимый суд должен вынести оправдательный приговор или хотя бы вернуть дело прокурору для дополнительного расследования. К сожалению, так бывает далеко не всегда.

Судьи и народные заседатели независимы и подчиняются только закону (ст. 155 Конституции СССР). Хорошо сказано! Но в реальной действительности суд связан многими незримыми, а то и явными путами, сковывающими его волю, мешающими вершить правосудие по справедливости.

Судьи на местах нередко испытывают давление со стороны следственных органов и прокуратуры. Дело не только в том, что оправдательный приговор или возвращение дела для доследования вносят диссонанс в личные взаимоотношения служителей Фемиды. Судья, рискнувший не согласиться с обвинением, может быть дискредитирован в глазах местного партийного руководства как «опасный либерал», закрывающий глаза на тяжелую криминологическую обстановку в районе (городе), как «чудак» и «чужак», от которого, естественно, хотят избавиться. На следующих выборах его кандидатура может быть не выдвинута. Здание суда в течение многих лет может оставаться в аварийном состоянии, дров и угля могут не завезти, телефон не установить, транспорт не выделить.

А бывает и хуже. Вот пример. Народный судья Волоколамского горсуда Московской области В. Г. Поляков слыл строптивым и неуживчивым только потому, что в соответствии с законом выносил оправдательные приговоры, а как-то отказался осудить на 15 суток группу «хулиганов», чтобы отправить их на уборку урожая. Это не понравилось работникам местных правоохранительных органов, и они состряпали против него уголовное дело по обвинению во взяточничестве. Ситуация сложилась, прямо скажем, странная: днем Поляков именем Республики вершил правосудие, а вечером и ночью его самого вызывали на допросы и однажды даже заключили в камеру для задержанных, где он провел около суток; в квартире произвели обыск, на имущество наложили арест. Полякова приговорили за взяточничество к восьми годам лишения свободы. По отбытии половины срока Поляков был освобожден условно-досрочно и тотчас обратился к председателю Верховного суда СССР с просьбой о пересмотре дела. В результате он был полностью реабилитирован.

Одна из задач судебной реформы — снять оковы с судьи, сделать его подлинно независимым. Меры в этом направлении уже принимаются. Законом об изменениях и дополнениях Конституции СССР от 1 декабря 1988 года введены выборы судей вышестоящими Советами народных депутатов и увеличен срок их полномочий с 5 до 10 лет. Таким образом, ныне народный судья не подотчетен районному Совету, а председатель и члены областного (краевого) суда — областному (краевому) Совету народных депутатов. Это делает судью менее зависимым от местной власти и ставит его в особое положение по сравнению с другими должностными лицами данного уровня.

При новой системе выборов судей приобретает особое значение работа по подбору кандидатов на судейские должности. Сейчас этим занимается Министерство юстиции. Но оно не контролирует качество

рассмотрения дел в судах и не получает из первых рук информацию о работе того или иного судьи. Не лучше ли возложить кадровую работу на вышестоящие суды? Недавно разработан проект закона «О статусе судей в СССР», который предусматривает создание квалификационных коллегий из самих судей. Эти коллегии должны будут принимать у кандидатов в судьи квалификационный экзамен, оценивая их деловые, моральные и психологические качества. Без заключения коллегии ни один претендент не мог бы избираться на должность судьи.

Случай с судьей В. Г. Поляковым, о котором рассказывалось, свидетельствует о недостаточности гарантий независимости судей. Действующий закон требует получения согласия Президиума Верховного Совета союзной республики на арест народного судьи и привлечение его к уголовной ответственности. Желательно добавить: и на возбуждение против судьи уголовного дела, проведение обыска в его жилище и в служебных помещениях, наложение ареста на его переписку и имущество.

Не надо быть юристом, чтобы заметить противоречие между конституционной формулой «судьи ...независимы и подчиняются только закону» и функцией «организационного руководства судами», возложенной на Министерство юстиции и его органы. Независимый судья не должен быть объектом руководства со стороны ведомства.

Председатель Верховного суда РСФСР Е. А. Смоленцев безусловно прав, утверждая, что суды «в вопросах отправления правосудия должны быть независимы от такого органа управления, каким является Министерство юстиции» (Известия. 1988. 18 ноября). Но у этого мнения, пожалуй, больше противников, чем сторонников. Первый заместитель министра юстиции РСФСР Ю. Д. Северин, например, за то, чтобы министерство «мудро направляло, укрепляло в самостоятельности и независимости» судей (Известия. 1987. 27 октября). Странное рассуждение. Судьи не нуждаются в том, чтобы ведомство укрепляло в них ощущение независимости.

Не лучше ли все-таки ликвидировать судебные управления в Министерствах юстиции СССР и союзных республик? Процессуальное руководство вышестоящих судов нижестоящими (проверка дел в кассационном и надзорном порядке) плюс обязательные для исполнения руководящие разъяснения пленумов Верховных судов СССР и союзных республик, плюс лежащий в основании этой пирамиды закон и тем более партийно-политическое руководство, подотчетность судов избравшим их Советам народных депутатов — разве этого мало, чтобы обеспечить эффективную работу судебной системы без вмешательства в осуществление правосудия? Пожалуй, этого даже слишком много.

Нужны и организационно-кадровые меры. Без них самый совершенный закон останется пустым звуком, красивой декларацией. Зарплата наших народных судей значительно ниже, чем, допустим, у водителей транспорта, строителей, не говоря уже о кооператорах. Она ниже средней статистической зарплаты рабочих и служащих. А работа судьи очень трудна: она требует предельного внимания, не допускает проявления каких бы то ни было эмоций. Главное же — колоссальная ответственность за судьбы людей, не дающая права даже на небольшую ошибку.

А в каких условиях работают суды! Разбирательство дел нередко проходит в душных, неуютных, а то и холодных помещениях. Приходится выезжать в отдаленные местности для проведения так называемых показательных процессов и т. д. Неудивительно поэтому, что в период от выборов до выборов около половины народных судей уходит на другую работу. Текучесть судебных кадров, их нехватка снижают общий уровень отправления правосудия. Достаточно сказать, что по числу судей на 100 тысяч человек населения мы в 3—4 раза уступаем развитым капиталистическим странам. Еще хуже обеспечение граждан судебной защитой: у нас насчитывается 27 тысяч адвокатов, тогда как в Англии 55 тысяч, а в США — 420 тысяч.

Реформа должна коснуться и предварительного следствия. Ныне эта стадия процесса находится во власти прокурора. Он руководит следствием, дает обязательные указания органам дознания и следователю, отвечает за раскрытие преступлений и качество расследования, санкционирует аресты, обыски, утверждает обвинительные заключения. Столь широкие полномочия нередко позволяют обвиняемому утверждать, что прокурор «заодно» со следователем, поэтому жаловаться ему напрасно, искать справедливости у него нет смысла. Связав себя определенной позицией при санкционировании ареста, прокурор вместе со следователем ведет расследование «в обвинительном ключе», прилагая все усилия, чтобы оправдать произведенный арест и добиться осуждения обвиняемого. Прокурор, как правило, не отказывается от обвинения в суде даже в тех случаях, когда оно, что называется, трещит по швам. И неудивительно: отказаться от обвинения — значит признать, что задержание, арест, обыск, привлечение лица к уголовной ответственности были незаконными. Выступающие в судах помощники прокуроров столь же необъективны: ведь они находятся в служебной зависимости от прокурора.

Исправить положение можно, переложив бремя надзора за следствием с прокуратуры на суд. Пусть органы расследования обращаются за санкциями на арест, обыск, отстранение обвиняемого от должности, помещение его на экспертизу в психиатрическое учреждение, наложение ареста на корреспонденцию не к прокурору, а в суд. Такой порядок существует в ряде социалистических стран, например, в ГДР и СФРЮ, а также в ведущих капиталистических государствах — США, Англии, Франции, ФРГ.

В общественном сознании прокурор — это государственный чиновник, к тому же с обвинительным уклоном. В отличие от него суд воспринимается как демократическое учреждение, выборный народом орган. Суд не отвечает за раскрываемость преступлений, не руководит следствием; он имеет возможность тщательно проверить основания для применения той или иной меры принуждения. Стоило бы ввести такой порядок, когда всякий задержанный или арестованный в течение 24 часов доставляется в суд для проверки законности его задержания или ареста. По нашему нынешнему законодательству срок задержания — 72 часа, срок содержания под стражей без предъявления обвинения — 10 суток. Причем задержанный (арестованный) ни к прокурору, ни в суд в течение этого времени не доставляется. Он не имеет защитника, следовательно, лишен квалифицированной юридической помощи. Человек испуган, подавлен, содержится в невыносимых условиях. Именно в такие дни и часы добываются ложные признания и оговоры, от которых потом, конечно, можно отказаться, но суд чаще всего отказам не верит, считая, что они обусловлены желанием избежать заслуженного наказания. Отсюда судебные ошибки и осуждение невиновных.

Здесь надо сделать небольшую оговорку. Если меры принуждения на предварительном следствии будут применяться по постановлению

суда, то дальнейшее рассмотрение и разрешение данного дела должно быть поручено другим судьям, не связавшим себя определенным мнением.

Какие же функции остались бы прокурору? Он мог бы по-прежнему утверждать обвинительные заключения, но не из солидарности с выводами следователя, а в подтверждение того, что имеются достаточные основания для рассмотрения дела судом. Участвуя в суде, прокурор занимал бы окончательную позицию по делу лишь после завершения судебного следствия. Как известно, судебная реформа опирается на принцип состязательности. Оптимальный вариант: состязаются представитель пришедшего к обвинительным выводам следственного органа (назовем его Управлением публичных преследований Следственного комитета при Совете Министров СССР) и подсудимый (защитник), а прокурор, если он участвует в суде, дает заключение о том, кто прав в этом споре. Но прокурор никоим образом не должен надзирать за судом и другими участниками судебного разбирательства.

Хозяин процесса — суд, и именно на нем лежит обязанность поддержания законности в ходе разбирательства дела.

Думается, что не будет полноценной судебной реформы без суда присяжных. Не стоит спорить о названии. Главное — значительно увеличить число народных заседателей (скажем, до 12) и возложить на них всю полноту ответственности за решение основного вопроса дела — виновен ли подсудимый. Вопрос же о мере наказания заседатели могли бы решать вместе с судьей.

Каковы преимущества суда присяжных? Прежде всего, более широкая коллегиальность и меньший риск допустить судебную ошибку. Далее: независимость суда (на каждого из 12 заседателей оказать давление невозможно); демократизм, народность, устранение из суда бюрократического, чиновничьего духа, подлинно гласное судопроизводство; наконец, усиление состязательного начала в уголовном процессе, повышение престижа адвокатуры.

Суд присяжных будет способствовать росту социальной активности граждан, их ответственности за судьбы других людей и общества в целом.

Суд присяжных поначалу можно было бы ввести лишь по наиболее серьезным уголовным делам, если, скажем, подсудимому грозит смертная казнь или лишение свободы на срок более 10 лет. При этом, конечно, надо сохранить традиционные атрибуты суда присяжных — немотивированный отвод подсудимым или защитником нескольких (допустим, трех) заседателей и подавляющее большинство голосов (хотя бы 7 из 12), необходимое для признания подсудимого виновным.

Для объективной оценки доказательств по уголовному делу нужен большой житейский опыт, несвязанность сложившимися в судах стереотипами, добросовестность и нравственная чистота. Всеми этими качествами должны обладать заседатели. Что касается правовых знаний, то при решении вопроса о достаточности доказательств для вывода о виновности они, в сущности, не нужны. Суд присяжных успешно функционирует во многих странах. В США, например, каждый гражданин имеет право на суд присяжных, если он обвиняется в фелонии — тяжком преступлении, влекущем наказание не менее одного года лишения свободы, и если он свою вину отрицает. Суд присяжных — величайшее достижение человеческой культуры, социальная ценность, от которой нам никак не следовало бы отказываться.

В дореволюционной России следователь мог возбудить уголовное

дело, но не имел права его прекратить. Это мог сделать только суд, что ограничивало возможность злоупотреблений. Не мешало бы и нам ввести нечто подобное. Ныне усмотрение дознавателя и следователя при прекращении дел поистине безгранично, особенно в случаях, когда преступление совершено, но оно незначительно и к обвиняемому могут быть применены меры общественного воздействия (взятие на поруки, передача материалов в товарищеский суд и др.). При желании следователь может не раскручивать весь преступный клубок, а «выдернуть» из него одну-две нитки, и делается это иногда не без корысти.

Или вопрос об амнистии. Следователь рад ей не меньше, чем обвиняемый. Под амнистию можно подвести многие нераскрытые преступления, изобразив их как малозначительные. То же самое — прекращение дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования. И смерть обвиняемого — «большая удача» для следователя: вести дело в отношении умершего закон не разрешает, за исключением случаев, когда необходима посмертная реабилитация. Значит, если человек умер — и делу конец, хотя еще неизвестно, совершил преступление он или кто-то другой, оставшийся безнаказанным. Широко распространено и прекращение дел в связи с изменением обстановки и личности обвиняемого (ст. 6 УПК РСФСР). Каучуковая формулировка позволяет замаскировать следственный брак, когда преступление, в сущности, не раскрыто, преступник не найден или установлены лишь отдельные эпизоды преступной деятельности. Поэтому законность прекращения дел следовало бы поставить под контроль суда. Как минимум, это надо сделать по делам, где следователь признает лицо виновным в совершении преступления, но освобождает его от уголовной ответственности. Ведь признание лица виновным в совершении преступления хотя бы с освобождением от уголовной ответственности и наказания — прерогатива суда. Об этом очень четко сказано в ст. 160 Конституции СССР.

Реформа немыслима без усиления судебной защиты. В принципе каждый лишенный свободы человек должен обладать правом консультироваться с защитником. Десять суток в тюрьме без предъявления обвинения, а значит, и без защитника — вполне достаточный срок для «выколачивания» признания. А когда признание получено, следователю защитник уже не страшен. По-видимому, надо отменить эти десять суток и установить, что обвинение должно быть предъявлено в течение 72 часов после задержания с допущением продления этого срока прокурором (судом) еще на 48 часов в особо сложных случаях.

Право обвиняемого на защиту будет расширено. Но и потерпевший должен быть наделен более широкими полномочиями, в частности выступать в судебных прениях. Обсуждается вопрос о возмещении потерпевшему ущерба, причиненного преступлением, в случаях, когда преступление не раскрыто. Возмещать ущерб должно государство, поскольку в данном случае оно не справилось со своей обязанностью ограждать граждан от преступных посягательств.

Судебная реформа немыслима без гуманизации режима содержания задержанных и арестованных. На них распространяется презумпция невиновности. При недоказанности вины они должны быть оправданы. Между тем режим в следственных изоляторах суров, а иногда просто бесчеловечен. В камере сырость или духота, мало света, не всегда есть теплая одежда, постель, кормежка никудышная. Если арестованный работает, ему причитается на руки 6 рублей в месяц (остальной заработок идет в казну). Страшная скученность. Норма «жилой

площади» — 2,5 квадратных метра на персону (почти как на кладбище). Находящемуся в таких условиях человеку нередко предлагают смягчение режима или даже полное освобождение, но при одном условии: признаться, дать показания на определенных лиц. Слабый духом или беспринципный человек идет на сделку с совестью и дает угодные следователю показания. Дореволюционных священников-увещевателей при тюрьмах заменили «стукачи» и «наседки», которые по поручению тюремной администрации предлагают заключенным различные «советы», диктуют и передают записки, попадающие, разумеется, к следователю, и добывают всякую «полезную» информацию.

Дело доходило до того, что различные следственные изоляторы вступали в социалистическое, да, да, социалистическое соревнование на предмет: где больше будет получено признаний? Нужно, наконец, вернуть следственной тюрьме ее изначальное и единственное назначение: временно, до суда, изолировать обвиняемого от общества, чтобы он не сбежал, не помешал установлению истины и не мог продолжать преступную деятельность (ст. 89 УПК РСФСР).

Судебная реформа прокладывает путь к социалистическому правовому государству, где законные интересы каждого человека найдут поддержку и надежную защиту.

ЭКОНОМИКА И МЫ

Нинель Краско

Что такое хорошо и что такое плохо

(к сожалению, не по Маяковскому)

Недавно, чтобы рассказать подробнее о семье Дементеевых, взявшей на подряд одну из молочных ферм совхоза «Рогачевский» Дмитровского района Московской области, я познакомилась с ее лидером — Ольгой Дементеевой.

Материал был собран, очерк напечатан. Но радости от сделанного, удовлетворения написанным почему-то не наступало. Стала в мыслях перебирать подробности встречи — с самой Ольгой, ее мужем Сергеем, в недавнем прошлом шофером «персональной» машины, а теперь очень дельным фермером, ее братом Владимиром Бозовым и его очаровательной женой Валентиной. Вчетвером в очень короткий срок они буквально дали новую жизнь этой небольшой ферме, обреченной на слом.

Раньше вокруг ста с небольшим коров вращался целый хоровод из «обслуживающего персонала», и «высший» надой составлял всего 2600 килограммов молока от коровы. Сегодня при тех же затратах и практически при том же стаде продуктивность каждой коровы увеличилась до 4200 килограммов в год. И Ольга считает это только началом. Верю (в этом убеждает опыт других семейных ферм области), что и семитысячные надои не за горами.

Так что же меня встревожило? Что показалось опасным для наметившейся сегодня на селе важнейшей тенденции — перехода к таким методам хозяйствования, которые могут прекратить процесс дальнейшего «раскрестьянивания»?

И вдруг вспомнилось случайно оброненное Ольгой:

— А мы сейчас минусуем на килограмм от коровы.

— И что, головомойка вам за это была? — спросила я с удивлением.

— А как же?!

Ольга даже, помнится, произнесла фразу, которая меня просто убила: вроде того, что, мол, все правильно, нас не контролируй — распустимся...

Вот-вот — это самое и встревожило. Твердим о самостоятельности — а тут такой мелочный контроль. Говорим о заинтересованности, о возрождении давно позабытого: сколько поработаешь, столько и заработаешь, а диктат верха продолжается как ни в чем не бывало. И это в то время, когда многолетний поденщик, крестьянин, только-только стал ощущать себя хозяином.

Посмотрите: раньше при том же фонде зарплаты на Кочергинской ферме «кормилось» девять человек. И никто в те годы не жаловался: дескать, работа напряженная, а заработки скромные; при подобной «тяжести» они были вполне приличные. На семейной ферме нагрузки, в сущности, возросли вдвое. Заработки при продуктивности стада, увеличившейся в 1,5 раза, достигли в среднем 600 рублей в месяц на человека. И тут, на этом уровне, семья, наверное, могла решить: с нас довольно, остановимся...

Иными словами, если видеть причину успеха семейных ферм в погоне за длинным рублем (а завистники и недоброжелатели, каких сегодня на селе немало, так и считают), то здесь бы и надо было поставить точку. Но у людей, почувствовавших вкус к самостоятельному хозяйствованию, иной взгляд на дела рук своих. Вот и Ольга Дементеева прикинула, что, получая «готовую» замену в свое стадо, они вынуждены пять месяцев, пока будущая корова не отелится, «терять» молоко. И вот уже семья ставит директору ультиматум:

— Отремонтируйте нам эту «развалюху» (старый полуразвалившийся телятник, что рядом с фермой.— *Н. К.*), сами будем растить телок для своей фермы.

Сулит ли эта дополнительная нагрузка какие-либо значительные выгоды? Вряд ли. Во всяком случае — в очень далеком будущем. Ведь трудностей будет куда больше, чем доплат.

Это как раз тот первый итог самостоятельности, первый признак превращения поденщика, для которого лишь бы день до вечера, в работника, пекущегося не только о своих, но и о государственных интересах.

А теперь, когда несколько прояснилось, что может дать производству самостоятельность производителя, вернемся к тому разговору, что так меня встревожил. О килограммовом минусе в надоях, за который «снимали стружку» с тружеников семейной фермы.

Но сначала для читателя непосвященного — о самих плюсах и минусах, за которыми столь пристально следят сверху.

Теперь, пожалуй, и не припомнишь, кому же конкретно принадлежит «изобретение» — сравнивать суточный надой от коровы с тем, каким он был в соответствующие дни прошлого года. «Изобретению» этому два с лишним десятилетия: тогда это показалось просто-таки открытием — держать фермы под каждодневным контролем.

Скажем, в прошлом году такого-то числа в таком-то хозяйстве надаивали от коровы 12 килограммов, а нынче на 300 граммов меньше. Значит, есть повод критиковать всех — от директора совхоза до доярки — за явное снижение продуктивности. Правда, здравый смысл подсказывает, что далеко не всегда снижение или повышение суточного надоя — надежный критерий. Во-первых, корова — живое существо, и суточные колебания продуктивности — вещь вполне возможная. Во-вторых, представим себе на минуту: как раз в тот день прошлого года, от которого ведется отсчет, отключили на ферме электричество, что, увы, еще бывает. Тогда вся ферма потеряла не одну сотню килограммов продукции. И поэтому сегодня, напротив, такой большой плюс получился. Плюс, который вовсе не отражает истинного положения дел, так как прибавка в надоях только тогда для животноводов успех, когда является результатом по-настоящему умело организованной, дружной, упорной работы.

Но дело не только в пороке, заключающемся в самой «точке отсчета». Сравнение работы отдельных ферм, хозяйств и доярок по плюсам и минусам в суточных надоях, словно кривое зеркало, искажает действительность.

Получается, например, что прибавка в килограмм оценивается как достижение, даже если в прошлом году от коровы получали молока почти как от козы (было, скажем, шесть, а стало семь килограммов за сутки). Если же в каком-либо хозяйстве при пудовых суточных надоях продуктивность снизилась на 300 граммов, сравнение — не в его пользу, а в пользу того, кто продолжает получать «козьи» надои.

В свое время я уже писала, что подобные критерии «сравнения» вредны и для тружеников, и для тех, кто призван руководить соревнованием. Вредны потому, что, вопреки всем постановлениям партийных и хозяйственных органов, в них заложено желание руководителей хозяйств «водить за ручку» и рядовых животноводов — «держаться за ручку».

Переносить эти изжившие себя методы на семейные фермы, по моему глубокому убеждению, значит разом перечеркнуть то, что уже доказала сама жизнь.

Вернемся в Кочергино. Существует договор о подряде. Семья должна сдать в хозяйство столько-то тонн молока. А какие при этом будут колебания в надоях, которые очень часто зависят от самочувствия животных, никого из руководства не должно касаться. Согласна — непривычно это и для специалистов совхоза, и для партийных работников. И опасение невольно возникает: если таких ферм, и уж тем более арендных, будет на селе все больше, что же тогда

на долю руководителей останется? Да другие у них будут заботы и занятия! Но, как мы видим на данном примере, очень уж неохота расставаться им со старой, но такой привычной одеждой.

Привычна она, эта одежда, к сожалению, не только для руководителей, но и для «рядовых» тружеников. Хотя далеко не для всех. Уверена, что «семейники» Владимир Гусенков из совхоза «Верейский», Карпунины (из колхоза имени Горького) и многие другие не допустили бы подобного «старорежимного» вмешательства в их, только их, дела. А вот Дементеевы приняли эту «критику» как имеющую право на существование, признав старые правила игры, хотя правила эти явно не сообразуются с новым их статусом — семейной фермы.

Предвижу возражение: что же вы хотите, чтобы семейные фермы были новой зоной вне критики? А если они окажутся не на высоте и загубят хорошее дело? Но разве я говорила, что специалисты, и прежде всего главный зоотехник, должны вообще обходить семейную ферму стороной? Нет, они, несомненно, должны пристально наблюдать за тем, как там идут дела. Идеальных людей нет. Возможно, будут случаи, когда придется и расторгнуть договор о подряде. Однако массовыми эти крайности все же не станут, потому что трудную ношу берут на себя лучшие из лучших. Кстати, руководители хозяйств подбирают семьи для подряда не с завязанными глазами.

У всех у нас на памяти, с каким скрипом внедрялся на селе семейный подряд. Причины этого идут и снизу и сверху. Ведь, в сущности, не случайно поначалу семейный подряд брали единицы. Это были те люди, которые, вопреки всему, что привело к отрыву от земли, сохранили в себе лучшие крестьянские черты — трудолюбие, сметку, любовь к самостоятельности. Эти семьи и стали своего рода «дрожжами» для процессов, происходящих сегодня на селе. Они заражали своим примером, пробуждая дремлющее чувство хозяина у других. Но будем откровенны, за прошлые десятилетия люди на селе, как, впрочем, и в городе, настолько «избаловались», зарабатывая порой не по заслугам, что многие в семейном подряде увидели опасность для своей «легкой жизни».

А ведь именно такая жизнь «освящена» во многих инструкциях, накопившихся за десятилетия, когда делалось все, чтобы, скажем, доярки «не разбежались». В результате каких только доплат не придумали! Дело дошло до того, что лишь половина заработка доярки в иных хозяйствах зависит непосредственно от молока. Остальное — доплаты. Например, за классность (какое уж тут мастерство, когда надои и до 3 тонн от коровы не дотянули — и все равно такие «классные» доярки получают 10 процентов надбавки), за качество молока. Выходит, молоко можно производить и низкого качества? И как результат, в совхозе «Холмогорка», где надои пятитысячные, средний заработок доярки 316 рублей в месяц, а в совхозе «Стеблево», где и 3 тысяч не надаивают,— 315 рублей.

Кто же захочет таких, в сущности, незаслуженных заработков лишиться? Отсюда зависть к этим смельчакам, которые решили доказать, что при заинтересованном отношении к делу можно добиться совсем иных результатов.

Таковы причины, мешающие внедрению семейного подряда, идущие, так сказать, снизу. Что касается тенденций, идущих сверху, то не случайно на XIX партийной конференции большинство из выступающих, которые в той или иной мере касались вопросов аграрной политики, отмечали, насколько важную роль играет психологическая перестройка сельских руководителей.

Обратите внимание, сколько директоров совхозов, председателей колхозов вполне обходятся без этих «новаций» — без семейных, а тем более арендных подрядов. В таких хозяйствах обычно всё и всех устраивает — и доплаты государства на низкую рентабельность, и высокие заработки. И методами такие руководители пользуются исключительно «проверенными» — командно-бюрократическими. Но если бы дело было только в такого рода консервативных руководителях. Сменить их — и все. Беда в том, что не хотят выпускать власть из рук и директора совхозов, председатели колхозов, которые действительно болеют за дело. Я только один пример привела — с пресловутым минусом в надоях на семейной ферме. Причем директор этого хозяйства А. Н. Лисицын, которого я глубоко уважаю, очень много делает для того, чтобы перестройка на селе стала ощутимой. В частности, настойчиво внедряет семейный подряд, готовит условия для подряда арендного. Он глубоко уверен, что нет особой разницы в руководстве крупными молочными комплексами и семейными фермами.

И здесь директор прав. Теоретически считается, что разница должна быть. Но в принципе ее нет. И как только руководители хозяйств это уразумели, многие из них открыли широкую дорогу именно семейному подряду. Кстати, по той же причине, только если так можно выразиться, со знаком минус «застрял» при внедрении подряд арендный, тогда как именно в аренде партия видит один из перспективных путей подъема сельского хозяйства. Хуже того, понимая, что не выполнить этого указания нельзя, кое-где начинают выдавать за арендный подряд отношения, ничего общего с ним не имеющие.

Чтобы для читателя стало ясно, в чем же принципиальное отличие арендного подряда от всех его других видов, уже практикуемых в хозяйствах, приведу небольшой отрывок из рекомендаций областного агропромкомитета и Всесоюзного НИИ экономики сельского хозяйства: «Самое существенное отличие арендного подряда от других форм подряда заключается в том, что арендатор получает за произведенную продукцию всю выручку от ее реализации, а не какую-то часть ее». Иначе говоря, продав продукцию государству, арендатор из этих сумм выплачивает арендную плату и другие суммы, затраченные на производство продукции. То есть главное — его экономическая самостоятельность.

А вот это-то и есть самое неприятное — выпустить из рук «власть». И появляется множество ограничений при организации аренды. Причем руководители вроде бы проявляют заботу о государственных интересах (как бы совхоз не прогадал!). Между тем сколько он уже прогадывал из-за того, что материальная заинтересованность перестала стимулировать честных работников, об этом никто из «заботливых» руководителей не вспоминает. И невольно начинаешь чувствовать подспудную мысль такого рода руководителей: глядишь, и весь совхоз «растащат», и я без работы останусь.

Разумеется, в жизни не все так прямолинейно. Иначе можно было бы просто назвать фамилии директоров совхозов и председателей колхозов, которые «ставят палки в колеса» арендного подряда. На самом деле все куда сложнее. Оказывается, внедрить арендный подряд в том виде, как он сформулирован учеными-экономистами и специалистами областного агропромкомитета, куда как нелегко. Например, недавно я узнала, что полную стоимость за продукцию, согласно инструкциям сверху, арендаторам платить не собираются. А главный экономист одного хозяйства даже сказала:

— Если все арендаторы будут хорошо работать, у нас на остальных рабочих фонда зарплаты не останется.

Может быть, я чего-то не понимаю, но ведь нововведения на селе совсем не предусматривают, чтобы наряду с честными тружениками десятилетиями продолжали «трудиться» лентяи, для которых лишь бы день до вечера. Думается, все преобразования на селе для того, чтобы и лентяи тоже стали людьми, чтобы в таком их сегодняшнем «качестве» места для них на селе не осталось.

С детства каждый из нас знает наизусть чудесные стихи Владимира Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо?». Ясные и прозрачные, они учат нас прописным истинам нравственности. Истинам, которые и во взрослой жизни не противопоказаны. К сожалению, именно мы, взрослые, настолько исказили смысл однозначных с детства понятий «хорошо» и «плохо», что порой и не поймешь, почему же, например, работать хорошо подчас оказывается невыгодно? А плохо — в самый раз. Сейчас время больших перемен. Время надежд. И так хочется, чтобы эти перемены на селе вернули крестьянину крестьянское, а вместе с этим и слову «хорошо» его истинный смысл. По сути об этом и шел разговор на мартовском пленуме ЦК партии...

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

В № 1 журнала «Горизонт» за 1989 г. прочитала воспоминания Нелли Морозовой «Свидетель» — о Евгении Гинзбург, и мне стало как-то не по себе, вроде как совесть стала мучить. Ведь это все частично проходило на моих глазах, т. к. в этой системе ГУЛАГа я работала вольнонаемной. В то время я еще была молода, 15—16 лет, и очень многого не понимала, но в памяти моей, наверно, до смерти запомнился один случай. Жили мы в г. Мончегорске, Кольский полуостров, отец работал на стройке, а я табельщицей на медноникелевом комбинате, и в один из зимних дней это произошло, по чьей вине не знаю. Обычно заключенные в большом цехе, где разливался металл, грелись в котлах. И вот в один из них без предупреждения залили металл, и все заключенные сгорели. Я думаю, за это никто не ответил, т. к. это были зеки с 58-й статьей.

Началась война, я вместе с семьей была эвакуирована в г. Красноярск. Здесь также мне пришлось работать с заключенными, но уже с интеллигентными и образованными людьми, в лаборатории с профессором Мюллером, который имел свои научные труды, с химиками, физиками, даже сидела сестра Ягоды с дочкой лет 10. Но самое удивительное то, что они, эти люди, никогда не жаловались на свою судьбу, бывало, их пригонят этапом (колонной), из лагеря с собаками, и они работают, а вечером опять в лагерь, за колючую проволоку. Нам, вольнонаемным, запрещалось иметь связь с ними. В апреле 1941 г. я пошла добровольцем на фронт, окончила школу радистов и воевала в 1-й гв. штурмовой инженерно-саперной бригаде; музей нашей бригады находится в тушинской школе № 822. Демобилизовалась в сентябре 1945 г. и обратно возвратилась в Красноярск, но о судьбе всех этих заключенных не знаю. После уже, в 1948 г., семья наша переехала в Москву, и здесь мне пришлось работать, с заключенными, строившими Северную водопроводную станцию. Здесь, конечно, я многое увидела, т. к. работала непосредственно в лагере — цензором, но я лично всегда к заключенным относилась с жалостью и сочувствием, уж чего греха таить, им в письмах присылали деньги, иногда я их отдавала на руки.

М. КУПЛЕВАТСКАЯ, ветеран войны и труда, инвалид 2-й группы, 65 лет. Московская область, ст. Шереметьевская

Михаил Малютин

ЭТИ БЕСПОКОЙНЫЕ «НЕФОРМАЛЫ»...

Заметки о самодеятельных общественно-политических объединениях

Нередко приходится слышать: «Когда и откуда они вообще взялись, эти самые «неформалы»!

Это вошедшее лишь недавно в наш лексикон и по-прежнему диковинное для иностранца слово «неформалы» (ох, пришлось с ним помучиться переводчикам сборника «Иного не дано», в котором довелось участвовать и мне), самое появление его больше говорит не столько о собственно «неформалах», сколько об «официалах»,— об обществе, в котором мы жили до последнего времени и которое казалось подавляющему большинству единственно возможным и нормальным социальным устройством. Только у нас в стране, где тотальному огосударствлению подвергались абсолютно все сферы жизни, где политикой формально стало всё, и оттого эта сфера человеческой деятельности потеряла свои очертания, и мог возникнуть такой вопрос. На самом же деле «неформалы» существовали всегда, даже во времена сталинщины. Загляните хотя бы в такие разные книги, как «Тимур и его команда» А. Гайдара или «Черные камни» А. Жигулина. Другое дело, что, подобно черному рынку, теневой экономике и т. п., этого явления официально как бы не существовало. Отсюда и шок, который вызвала легализация этой сферы, когда «из ничего» во многих республиках выросли стотысячные движения, и сегодня «от Москвы до самых до окраин» практически нет ни одного областного центра, где бы не было «чего-нибудь» в этом роде.

Одно предварительное замечание — о специфике авторской позиции: позиции ученого среди «неформалов» и «неформала» в науке, представителя самодеятельного общественно-политического движения «Народный фронт» в партии и коммуниста по убеждениям, а не только по партбилету, в формирующихся при моем активном участии структурах.

Ситуация меняется очень быстро, и все же некоторые основные закономерности процесса сформировались, и никакие зигзаги его развития в дальнейшем отменить их уже не смогут.

Напечатанная в сборнике «Иного не дано» моя статья «Неформалы в перестройке: опыт и перспективы» в самых общих чертах подводила итоги развития самодеятельного общественно-политического движения на начало 1988 года, когда оно уже, бесспорно, возникло как нечто с самостоятельными закономерностями, но носило еще зародышевый характер, не обособилось из общего неформального потока.

За прошедшее время движение обрело форму «саморазрастающейся матрешки»: как каждый новый год у дерева вырастает новое

М. В. Малютин, кандидат философских наук, старший преподаватель Московской высшей партийной школы.

АНАТОЛИЙ ЗВЕРЕВ

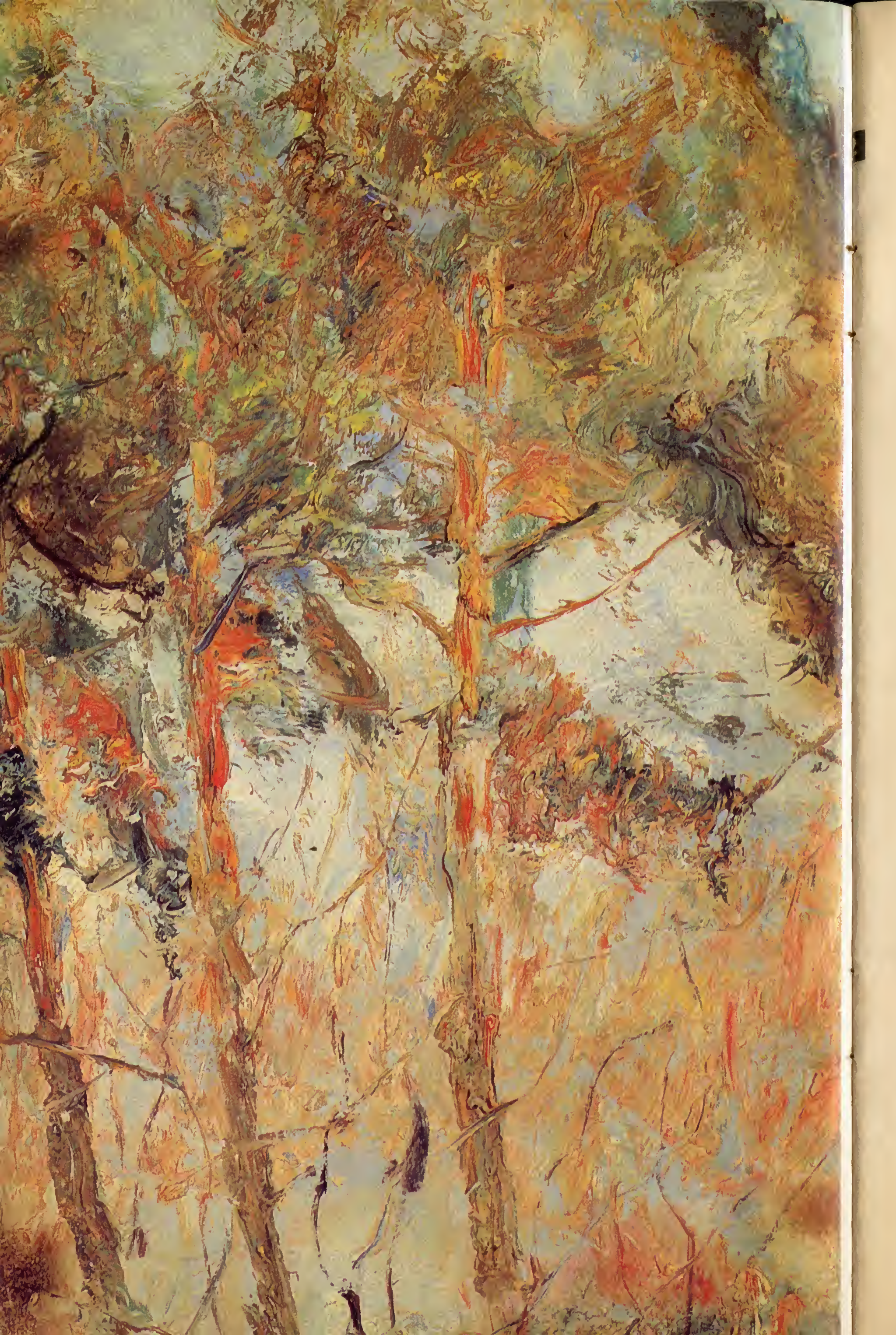

Автопортрет. *1980*

Наташа. *1976*

Сосны. *1959* →

кольцо — оболочка, у самодеятельного движения появляется новая объемлющая сфера, внутри которой в трансформированном виде сохраняются старые уровни (группы — клубы — межклубные объединения).

Зимой 1987/88 года массового общественно-политического самодеятельного движения в стране еще не было. В Москве и России существовали три основные линии: «западники», «почвенники», «социалисты или коммунисты». Впрочем, начало они берут еще в первой половине XIX века. «Глобалисты» или «экологисты» смотрятся моложе, но, имея в виду, что русскому «космизму» тоже сто лет в обед, удивляться их наличию в общественном сознании страны всерьез не приходится. Пока это именно самодеятельность, до профессионализма в деятельности соответствующих течений пока далеко. Хотя, учитывая, что наши официальные политические структуры (партия, комсомол и т. п.) располагают, конечно, большим числом людей и средств, но, увы, не намного большим реальным политическим опытом (их возрождение в собственно политическом качестве началось только в условиях перестройки), еще неизвестно, кто в лучшем положении — «неформалы», впервые формирующие свой аппарат, или «официалы», стремящиеся приспособить имеющийся аппарат и рядовые массы к принципиально изменившейся ситуации в стране.

Начать анализ движения, видимо, имеет смысл с нашумевшей «Памяти». (Хотя термином «память» как обобщающим по отношению к «почвенникам» в кругах, входящих в разнообразные структуры формирующихся российских «народных фронтов», предпочитают не пользоваться — и не только потому, что существуют еще «Патриот», «Родина», «Отчизна», «Отечество», «Молодая Россия», «Русь» и т. п., но и потому, что эти течения изначально не представляли из себя ничего единого, а в 1988 году перегрызлись окончательно и бесповоротно.) Это движение первым стало относительно массовым в Москве и уже в далеком мае 1987 года сумело провести несколько демонстраций в сотни человек. Но наличных организационных, идейных и прочих ресурсов оказалось явно недостаточно, чтобы оформить потянувшихся на патриотический маяк людей в более или менее взаимосвязанную структуру. Даже небольшие «массы» оказались слишком разнородными — как в смысле понимания «виновников гибели России», так и в смысле конкретных методов ее «спасения».

Возникновение элементарной обратной связи между паствой и претендентами на роль вероучителей и вождей оказалось достаточным для того, чтобы патриотическое движение вползло в полосу непрерывной внутренней склоки, взаимных обвинений во всех смертных грехах и «исключений», напоминающих отлучения. Иногда, читая соответствующую печатную продукцию, внимая магнитофонным проповедям или личным поучениям, выносишь впечатление, что эти люди как увлеклись поиском «врагов» и «агентов» не только в стране, в мире, но и в собственных рядах, так и по сей день никак не могут остановиться. Во всяком случае, в прокатившихся по России в мае — июне 1988 года массовых выступлениях заметной роли «почвенники» не сыграли; в Москве, кроме агитации в «Гайд-парке» на Пушкинской в июне — августе, тоже ничего «великого» не свершили.

Из этого, безусловно, не следует, что течение ослабло. На упомянутой первой волне подъема массовой активности, связанной с выборами делегатов на XIX Всесоюзную партконференцию, и на второй, порожденной обсуждением конституционных поправок и избирательного закона, шел приток новых людей и в «русистские» структуры. Но

для прогноза того, какую роль они могут сыграть в дальнейшем развитии страны, необходимо сделать небольшое отступление общетеоретического плана.

После событий 1988 года в Прибалтике и в Закавказье национальный вопрос в СССР невозможно далее трактовать в духе его полной решенности при социализме и сложившейся новой исторической общности. Иначе получится, что в Сумгаите, Кировабаде и т. п. одна часть советского народа резала другую... Погром на национальной почве, изгнание людей по этническому признаку с территории проживания — ситуация отвратительная, но в истории, увы, не новая. Новое в нынешних невеселых обстоятельствах — трудности с поиском ответа на классический вопрос: кому в нашей стране жить хорошо! Словом, проблема национального возрождения и государственного суверенитета стала детонатором массовых движений почти в половине республик Союза.

Интересный строй все-таки сложился у нас к началу восьмого десятка лет его существования. Даже бюрократия, официальный претендент № 1 на роль всеобщего «врага народа», чем дальше, тем больше производит растерянное и жалкое впечатление. Полнотой власти она явно ныне не обладает (правда, вопрос: «А кто тогда обладает?» — заводит в изрядные дебри), и, если брать ее как целое, на роль класса-эксплуататора она явно не тянет. Не думаю, что можно, не занимаясь демагогией, всерьез зачислить в социальные паразиты пресловутые 18 миллионов «аппаратчиков». Рядовой советский служащий мало чем отличается от типового интеллигента за пределами «контор». А в смысле отношения к собственности и власти он в среднем такая же жертва системы тотального огосударствливания всех сфер общественной жизни, как и любой работник материального производства. Если уж нужен претендент на роль эксплуататора, то с определенной долей вероятия с ней может справиться никак не бюрократия в целом, но только ее верхушка — номенклатура. Однако если говорить всерьез, то классом, к сожалению, не является и она, и больше, чем на слой, тяготеющий к превращению в сословие, тоже пока не тянет. Почему «к сожалению»? Да потому, что, если бы номенклатура была «новым классом» эксплуататоров, все было бы намного проще, чем есть в действительности. Классовая борьба — процесс, действующий в истории на протяжении тысячелетий, со своими вполне сложившимися объективными законами движения, познания и разрешения противоречий. Поэтому будь наша страна «нормальным» классовым обществом (а мне известна масса попыток втиснуть ее в прокрустово ложе «индустриального феодализма», монопольно-государственного капитализма или азиатского способа производства), выписка рецепта ее лечения оказалась бы намного более простой задачей.

Если же от «отвлеченной» теории перейти к практике минувшего года, когда впервые за шесть десятилетий массы (причем в основном средний слой, далеко не низы) вышли на улицы, занялись политикой, то возникает один принципиальный вопрос: почему любые организации в любой точке страны, вне зависимости от идейной окраски («западничество», «почвенничество», «социализм или коммунизм», экология) пытавшиеся создать нечто вроде партии на базе определенного идеала, остались во всех без исключения случаях маленькими сектами (десятки, сотни, ну никак не больше тысячи с небольшим человек), а силой стали только широкие популистские, народнические движения, сплоченные вокруг какого-то по-разному понимаемого, но несомненного интереса.

В настоящее время в стране существуют три варианта организаций, именующих себя обычно «Народным фронтом» или «Движением за перестройку». В Прибалтике сложился, на Украине, в Белоруссии, Молдавии и Закавказье находится в становлении наиболее массовый национально-республиканский вариант «Фронта». Его цели — национальное возрождение и республиканский суверенитет. Одновременно в республиках иногда формируется интерфронт, объединяющий население некоренных национальностей, обычно русоязычный в своем ядре. В ряде областных центров России людей соединяет в «Народный фронт» борьба за социальную справедливость и экологическую безопасность. В столичном варианте (Москва, Ленинград, Киев, Алма-Ата) «Народный фронт» — вдохновляемое гуманитарными ценностями движение, соединяющее интеллигентную молодежь («красных», «зеленых», «экологию культуры») с участниками наиболее острых коммунальных конфликтов.

Любая организация «Народного фронта» не претендует на роль новой партии, а разделяет сформулированные КПСС после апреля 1985 года цели, но их не удовлетворяет то, как пока что на практике осуществляется сверху курс, в итоге которого мы должны получить «больше демократии и больше социализма».

«Народный фронт» выступает за диалог и сотрудничество с верхами и одновременно — за самоорганизацию народных масс и «перестройку снизу», желая добиться союза прогрессивных сил КПСС и широкого общественного движения.

Идейно эти «фронты» и «блоки» размыты и эклектичны; разные слои объединяются пока на базе таких «доклассовых», в смысле самосознания, ценностей, как национальная и социальная справедливость. Ни рабочего, ни молодежно-студенческого движения, как чего-то оформленного в самостоятельное течение, пока нигде в стране нет. Можно ли уже всерьез говорить о кооперативном движении как организованной целостности, неясно, хотя за последнее время возник ряд соответствующих объединений. Для этой аморфности есть свои причины.

Практически несомненно, что уже на протяжении жизни первого поколения «нового человека» полностью была оборвана нормальная культурная и социальная традиция, и даже формально сохранившиеся «в преобразованном виде» классы — рабочие, крестьянство, пресловутая «прослойка» — интеллигенция — в 1939 году имели очень мало общего со своими историческими предшественниками в году 1916-м. Разумеется, сохранялась, несмотря на катаклизмы, унесшие десятки миллионов жизней, определенная историческая преемственность просто на уровне физического существования людей, но тут подоспела величайшая в мире война, шок от последствий которой в сочетании с небывалым по длительности и интенсивности воздействием на сознание людей подкрепленной террором пропагандистской машины действительно привел к созданию общества, уникального в истории. Оно пыталось в кратчайшие сроки «догнать и перегнать» капитализм высокоразвитых стран и, хотя не добилось ни того, ни другого, все-таки преодолело через 40 лет прежнюю отсталость.

Однако возникновение «сверхдержавы» обошлось нам слишком дорого: вместо бесклассовой мы фактически получили некую «размытую» структуру. Дело тут не просто в обилии «маргиналов». По числу чистых люмпенов наш строй ныне выгодно отличается от развивающихся стран, осуществляющих свои «большие скачки». Но там у процесса перехода от старого строя к новому все-таки есть начальная точка (пласт традиционных структур, сохраняющийся и после «опрокидывания полюсов») и конечный пункт — с новыми классами и соответствующим самосознанием. У нас же старый социум был ликвидирован с беспрецедентной в мире последовательностью и итогом — «сверхдержавой», а новые классы и по сегодняшний день так и не сложились как нечто более или менее устойчивое, и происходящий ныне взрыв «групповых», «региональных» и тому подобных «эгоизмов» — муки родов данного процесса...

Для понимания проблемы возрождения не санкционированной государством сферы политической деятельности в широких массах на уровне их повседневности достаточно остановиться только на одном ее аспекте.

Условием самосохранения всевластия господствующей в обществе прослойки (для простоты именуемой далее номенклатурой) было не просто уничтожение старых социальных структур, некогда ее породивших, но и недопущение формирования новых, ибо в случае осознания своих интересов они неизбежно начинали сначала требовать их учета, затем — гарантии прав и невмешательства в свои внутренние дела, а под конец прямо или косвенно начинали ставить «слуг народа» на место — на службу себе. К тому же номенклатура никогда не была однородна, а в последние два десятилетия откровенно подчинила государство и все его ресурсы своему сословному эгоизму. Вследствие этого тот ее слой, который был всерьез озабочен сохранением сложившейся системы, пусть в видоизмененном виде, согласился, просто в интересах самосохранения, пойти на ограничение своего всевластия (ныне декоративного) — при сохранении контрольного пакета акций на управление обществом. В результате даруемые сверху права вызвали борьбу формирующихся социальных структур.

Какие же социальные структуры оказались наиболее неподатливы курсу, квинтэссенция которого содержалась в словах бодрой песни: «Нам нет преград ни в море, ни на суше», и теперь вышли на авансцену первыми!

Возрастная структура общества, элементарная смена поколений со второй половины 50-х годов (чем дальше, тем больше) стала выходить из-под существующих форм социального контроля; разлаживались механизмы социализации вообще. Понятно, что, когда «плохо обработанного мужика», выдвиженца и т. п. сменили дети горожан второго, а затем и третьего поколения, голода и страха массовых репрессий не знавшие, издевавшиеся над принудительным энтузиазмом сверху, проблема молодежи («Ну и молодежь пошла!») стала одной из первых официально признанных у нас. От того, что она глобальная, ни «начальству», ни стране в целом, как говорится, не легче...

Уже отмечалось, что в отличие от классов нации оказались куда более неподатливым материалом в руках власти — демиурга, творившей «новую историческую общность людей — советский народ». И наконец, пусть о нашей школе ходят анекдоты как о «самой средней в мире», пусть 40 с лишним миллионов человек с высшим образованием в массе своей пока не интеллигенция, а «образованщина» — простой количественный рост этого слоя, напитывание пусть и далеко не всегда лучшими его представителями правящих структур в конце концов сделали свое дело.

2 января 1989 года в «Правде» была напечатана чрезвычайно интересная статья партийного работника Л. А. Оникова. Он очень точно заметил, что во всех «непривычных для нас» событиях минувшего года (митинги, забастовки, беспорядки, демонстрации) по-разному вели себя старые и молодые, образованные и необразованные и, конечно, представители разных наций. Но каких бы то ни было различий в поведении коммунистов и некоммунистов заметно не было. Это и не случайно, если к концу четвертого года перестройки, как выясняется из публикации, все еще благополучно действуют партинструкции сталинских и брежневских времен, в результате чего аппарат остается по-прежнему неподконтрольным даже выборным органам. Последние просто не имеют для контроля ни достоверной информации (по-прежнему все засекречено), ни необходимых полномочий. А о возможностях рядовых коммунистов влиять на политику руководства и говорить не приходится...

И вероятно, ясно, почему многие коммунисты и комсомольцы начали участвовать в создании новых общественно-политических структур на пересечении упомянутых векторов активности, вместо того чтобы сосредоточиться на перестройке старых, в которых они формально состояли.

Даже «Память» первоначально была воспринята частью общественного сознания как популистская структура, и к ней потянулись борцы за социальную справедливость, экологическую безопасность, возрождение духовных ценностей. Однако фанатичная сосредоточенность на проблеме «врагов национального возрождения» и схватка «пророков» очень многих оттолкнули.

В отличие от лозунгов, выдвинутых в малых республиках, лозунг «Россия для русских» едва ли обретет широкую популярность, тем более что серьезные историко-культурные предпосылки для великодержавного национализма отсутствуют. Дело в том, что великая держава Россия со времен киевских князей всегда была многонациональной; проблема взаимоотношений с тюркской Степью и угро-финским Лесом носила внутренний характер. Россия никогда не вела войн на национальное истребление, и комплекса народа-господина (не считая черносотенных потуг после отмены крепостного права) у русских никогда просто не было.

Осенью 1988 года на фоне развала и грызни разного рода «памятей» в той же экологической нише усилила свои позиции такая организация, как РОС («Российское общество справедливости»); возникло «Товарищество русских художников» (Ю. Бондарев, М. Алексеев, В. Астафьев, В. Белов, В. Распутин и другие). Их позиция пока четко не определилась, но очевидно стремление к созданию широкой организации.

Не приходится сомневаться, что, если в России возникнет массовое «народническое» движение, национальное возрождение будет одним из его трех китов; двумя другими станут социальная справедливость и экология. Какую роль сыграет в этом возникший в декабре минувшего года в Москве оргкомитет «Российского народного фронта», покажет будущее. (См.: Советская Россия. 1989. 14 февраля.)

Судьба «западников» была в 1988 году несколько иной. Начали они свой новый цикл с всесоюзной конференции, легально проведенной в конце 1987 года на базе международного семинара по правам человека, а в мае 1988 года создали оппозиционную «политическую партию» «Демократический союз» («новейшего типа», как кто-то удачно сострил). Многое в ее деятельности, даже по оценкам идейно сочувствующих, но более культурных и менее склонных к саморекламе людей, отдавало спектаклем; изначально был только неясен жанр. Трагифарсовый в целом характер происходящего за полгода принципиально не изменился. Но при всех расколах, растратах, оргиях и прочих событиях, место которым в скандальной хронике, организация все-таки выжила. И это реальность, с которой необходимо считаться, не преувеличивая, но и не преуменьшая ее. Всевозможные зарубежные «голоса», дав «майскому съезду» широчайшую рекламу, уже спустя месяц-другой стали говорить об организации: «так называемая партия «Демократический союз» или «Группа неформалов «Демократический союз», именующая себя партией». Тем не менее, своя небольшая социальная база есть и у нее. Это в первую очередь интеллигент, как правило, молодой, нередко деклассированный, по своему психологическому типу, желанием пострадать за идеал, ощущением своего из-

бранничества и праведности очень напоминающий раннехристианского мученика.

Естественно, что ничего массового на такой базе не построишь, а «ересей» и сект в ней столько же, сколько авторитетных вероучителей. Но объединяет подавляющее большинство убежденность, что частная собственность — фундамент любых прав и свобод...

Что же касается конкретных форм политической активности «Демократического союза», то ее можно охарактеризовать как деятельность общественников-провокаторов.

Из социалистических клубов Москвы есть, вероятно, смысл остановиться только на обладающих ныне помещением, имеющих определенные время сбора и идейную платформу (а иногда даже зарегистрированных!).

Начать, вероятно, есть смысл с «Демократической перестройки» — клуба межпрофессионального общения обществоведов, обладающего в Севастопольском районе статусом любительского объединения. По своему социальному составу это клуб научных сотрудников, на его заседаниях регулярно выступают и доктора наук. В настоящее время это самая сильная по составу из регулярно действующих в Москве дискуссионных трибун. («Московская трибуна» ярче по именам, но собирается пока изредка и определенного облика с постоянным составом еще не обрела.) В «Демократической перестройке» не только повышают культуру дискуссий. Ряд серьезных альтернативных законопроектов (о демонстрациях и митингах, общественных организациях, избирательной системе и конституционных реформах вообще) был подготовлен на базе ее рабочих групп. До сих пор непревзойденным как программный документ является и «Демократический наказ партконференции» (его в общем положительно оценил и М. Бужкевич в «Правде» 11 ноября 1988 года в статье «Демократическое половодье»), ставший первой общей платформой сил, создавших в июне прошлого года в Москве оргкомитет «Народного фронта».

Общей теоретической платформой клуба является демократический социализм, но что это такое, разные люди, естественно, понимают по-разному. К совместным действиям практического плана такая разнородная компания приспособлена не очень хорошо. Отсюда двойственное отношение клуба к оргкомитету «Народного фронта» Москвы в его нынешнем виде.

В последнее время «Демократическая перестройка» более активно включилась в жизнь района, на территории которого базируется. Валентин Эрикаев, координатор группы «Содействие», сумел развернуть работу по развитию производственного самоуправления и организации граждан по месту жительства. (Вместе с оргкомитетом «Народного фронта» клуб смог во время избирательной кампании по выборам в народные депутаты СССР с третьей попытки собрать 508 избирателей и выдвинуть меня кандидатом в депутаты по Севастопольскому району.)

«Община» (ныне «Конфедерация анархо-синдикалистов»; старое название сохранил печатный орган, число номеров которого перевалило на третий десяток) — организация совсем другого типа. Ядром ее попрежнему остаются студенты и выпускники пединститута имени В. И. Ленина (прежде всего истфака), но вокруг него за последний год сложилась довольно развитая система союзов. В «Союз независимых социалистов» (так «Конфедерация» называлась еще осенью) вошли лидеры некоторых московских клубов, входящих в «Федерацию социалистических общественных клубов» (ФСОК), и отдельные ее провинциальные группы. Но в Москве со времен августовской конференции 1988 года ФСОК практически не функционирует (было только одно совещание, принявшее в состав несколько новых групп), поскольку большинство ее клубов в Москве вошло в оргкомитет «Народного фронта», а меньшинство во главе с «Общиной» из него вышло.

Складывается впечатление, что дело не в каких-то идейных противоречиях (ориентация лидеров «Конфедерации» на наследие Бакунина, Лаврова и Кропоткина не является абсолютной) «государственников» с «безвластниками» и «централистов» с «федералистами». Для рядового участника движения в Москве все эти оттенки не столь существенны. Разногласия в тактике тоже не очень велики: в «Общине» любят подчеркивать, что они не просто сторонники идеи создания «Народного фронта», но были одними из наиболее активных участников ее реализации в Москве в июне — июле 1988 года, пока не пришли к выводу, что для этого не созрели необходимые предпосылки и нынешний оргкомитет только дискредитирует начинание, пытаясь внести в массы сознание извне, вместо того чтобы дождаться начала объективного процесса их самоорганизации.

Откровенно говоря, этот спор очень напоминает классическую дискуссию на тему первичности курицы или яйца, чтобы к нему можно было серьезно относиться. Причины расхождений, думается, лежат глубже. Перед нами — структура молодых; лидерам и ведущим идеологам лет по 25, тех, кому за 30, в Москве всего несколько человек наберется. Классический новый «левый синдром»: «Не верьте никому, кто старше тридцати» — неосознанно, но крепко сидит в массовом активисте этой группы, что обеспечивает ее прочные позиции в молодежной среде (среди старших школьников и студентов), но резко ослабляет влияние за ее пределами. Среди политклубов данная структура — несомненный лидер, но движение эту стадию в целом уже прошло. Осенью минувшего года «Союзу независимых социалистов» удался весьма сильный ход: была провозглашена «Демократическая фракция ВЛКСМ». Не скрою, идея борьбы с аппаратчиками в комсомоле за их собственные деньги на их множительной базе захватила воображение многих. Но насколько интегрировано движение «Демократической фракции ВЛКСМ», и не будут ли победы на этом поле брани пирровыми (в силу нынешнего настороженного отношения активного слоя молодежи к самой идее реанимации ВЛКСМ),— покажет будущее.

В «Народный фронт» Москвы первоначально входили несколько десятков активистов ведущих клубов, сфера деятельности которых переросла чисто самодеятельные рамки. На сегодня это не только два десятка клубов и десяток групп поддержки на предприятиях и в организациях, но и формирующаяся в каждом районе города структура. В нынешней избирательной кампании «Народному фронту» удалось добиться выдвижения кандидатами в народные депутаты своих лидеров — С. Станкевича в Черемушкинском районе, Р. Гончаренко — в Медведкове, автора этих строк — в Севастопольском; С. Друганов, руководитель комитета самоуправления в Братееве, зарегистрирован в Красногвардейском районе. При поддержке «Народного фронта» были выдвинуты в Краснопресненско-Фрунзенском округе А. Нуйкин, разделяющий программу НФ столицы, в Дзержинско-Свердловском избирательном округе — В. Коротич.

К сожалению, из представителей «Народного фронта» уровень окружного предвыборного собрания удалось преодолеть только С. Станкевичу.

Так или иначе, информационная блокада, в которой пытались держать «Народный фронт» в Москве, в настоящее время прорвана. Выход к рядовому гражданину показал, что идеи «Фронта» и его программа пользуются пониманием и поддержкой людей, просыпающихся к политической активности. Теперь есть смысл проводить конференцию и принимать программу «Народного фронта»: она прошла проверку в реальной политической кампании. То же касается его устава и организационной структуры. По соглашению с исполкомом Моссовета в марте проведена конференция, где приняты за основу проекты программы и устава «Н. Ф.», которые после доработки будут вынесены на учредительную конференцию.

Разумеется, за нынешним подъемом активности возможен спад, но за ним неизбежен новый подъем. Если мы не хотим, чтобы политика сама нами занялась, нам надо заняться ею по собственной инициативе. Иного не дано.

МОСКВА И МОСКВИЧИ

Вячеслав Басков

ЗАОЧНОЕ ИНТЕРВЬЮ С НАЧАЛЬНИКОМ БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ СЕКРЕТАРШИ

Упрямая женщина

Я решил пойти к заместителю председателя исполкома Моссовета Анатолию Ивановичу Костенко, недавно ставшему начальником Главного управления с длинным названием — планирования, учета и распределения жилой площади и нежилых помещений, чтобы поговорить с ним о жилищных проблемах. Домов в Москве строится много, а все еще есть люди, которым негде жить. Не в том смысле, что они живут на улице, а в том, что иной человек всю жизнь живет не с теми людьми, с которыми ему хотелось бы, но уйти ему просто некуда, не на вокзал же... Или, наоборот, в семье — любовь и полное согласие, зато в квартире страшная теснота... И почему так получается, что в Москве есть граждане, особенно среди так называемых руководящих работников, которые по нескольку раз уже переезжали с места на место, все улучшая и улучшая свои жилищные условия, а другие даже не знают, как попасть в очередь на квартиру?..

Моссовет — учреждение открытое, доступное, но воспитанные люди всегда предупреждают о своем приходе телефонным звонком. Так я и сделал. Трубку подняла секретарь Анатолия Ивановича. Она наотрез отказалась соединить меня со своим начальником. Она поставила твердое условие, чтобы я сперва объяснил ей, зачем мне понадобился Анатолий Иванович. После этого она решит, как ей быть.

Переговоры с упрямой женщиной зашли в тупик. И я подумал, что к телефону подошла вовсе не секретарь тов. Костенко, а какая-нибудь другая сотрудница исполкома. Бывает же, что настоящие секретарши начальников на минутку выходят и просят своих подруг отвечать на телефонные звонки.

Через час я перезвонил. Однако в трубке отвечал все тот же неласковый голос. Повысив его до начальственного, неизвестная женщина прокричала лекцию о том, как надо звонить в Моссовет правильно. Оказывается, правильно — это когда звонящие все, как на духу, выкладывают ей, секретарю, в обязанности которого будто бы входит решать: беспокоить начальника или принять удар на себя. Эта полезная лекция была выслушана с большим вниманием. Но поставленное условие показалось все же неприемлемым.

Пусть рассудит объективный читатель: мне кажется, что требовать от звонящих в исполком Моссовета — учреждение, повторяю, открытое, доступное любому москвичу,— чтобы они свои проблемы поверяли подробнейшим образом дважды (сначала секретаршам начальников, а затем самим начальникам), такое положение, если оно действительно существует, унижает человеческое достоинство. Замечу, что я звонил не как москвич или избиратель, а как журналист, представляющий печатный орган...

Итак, лекция была прочитана, ультиматум печатному органу выдвинут, но принят, естественно, не был. Пришлось обращаться в секретариат председателя исполкома Моссовета тов. Сайкина с жалобой на нелюбезный секретариат тов. Костенко. Там жалобу встретили с пониманием и даже вздохом сочувствия. Однако эти проявления человечности не приблизили меня к цели: возбужденная секретарша тов. Костенко продолжала настаивать на своем праве решать за тов. Костенко, с кем ему говорить, а с кем не стоит, словно бы не он, а она его начальник, словно бы за нее голосовали избиратели, а не за Костенко.

И тут вспомнилась почта. Та самая почта, которая в Москве работает скверно, письма не приносит долго, «Горизонт» подписчикам нередко задерживает... Но другого средства достичь Анатолия Ивановича я не видел.

Были отобраны вопросы, которые встречаются в письмах читателей наиболее часто. Их получилось пятнадцать. В письменном виде заочное интервью показалось слишком большим. При личной встрече — как обычно проходят интервью — можно было бы, конечно, задать вопросов еще больше. В сопроводительном письме редакция откровенно объяснила, почему вынуждена обращаться к адресату довольно необычным способом...

В секретариате у тов. Костенко работают 24 человека. Считая его непосредственного начальника — секретаршу. Вместе же с самим тов. Костенко — 25. Следовательно, на каждого работника пришлось всего по 0,6 вопроса. (Разумеется, мы не заблуждались насчет того, что на вопросы станет отвечать сам начальник — зачем в таком случае ему столь громоздкий аппарат?) Тем не менее ответное письмо пришло в редакцию не через месяц, а через два с половиной! Одно это свидетельствовало о напряженной работе аппарата над городскими жилищными проблемами, о которых по всему свету идет грустная слава неразрешимых.

Самое удивительное, что в ответном письме Анатолия Ивановича

не было ни слова о редакционной «сопроводиловке», где прямо говорилось, что с ним невозможно соединиться по телефону. Вероятно, Анатолия Ивановича ничуть не поразил заочный способ интервьюирования. И лишь несколько дней спустя, когда работа над полученными ответами была закончена, я убедился в том, что тов. Костенко в переписке заинтересован даже гораздо больше, чем в личных встречах с журналистами. Раньше я этого не подозревал... Именно потому, что через несколько дней кое-что открылось, и понадобилось это вступление с рассказом об упрямой секретарше...

Спрашивайте — не отвечаем!

Говорят, что вставать в очередь на квартиру нужно теперь по месту работы, а предоставлять квартиру будет райисполком с учетом характеристики с работы. Если это так, считаете ли Вы такой порядок справедливым! Ведь человек имеет право на крышу над головой независимо от того, как работает.

Ответ. Прежде всего, где стоять на учете по улучшению жилищных условий — в исполкомах райсоветов, на предприятиях или одновременно по месту жительства и по месту работы,— это право граждан, оно определено жилищным законодательством, и установленные в Москве Правила не меняли этого порядка признания граждан нуждающимися в улучшении жилищных условий. Иные суждения и слухи на этот счет не имеют под собой оснований. Не менялся и порядок обеспечения жильем очередников райисполкомов. Речь идет лишь о возможности перенесения очереди на более позднее время для получения жилья тем очередникам райисполкомов, которые нерадиво относятся к труду. Мнение трудового коллектива в этой части нам представляется нелишним. Такой порядок некоторые авторы писем связывают с обеспечением принципа справедливости в распределении жилья. Но пока такой порядок не установлен, и в райисполкомах не зафиксировано ни одного случая переноса очереди по этим основаниям.

Необходимый комментарий. В первой части ответ полностью согласуется со ст. 19 «Основ жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик», где гражданам предоставлено право вставать на учет по месту работы или в районном исполкоме. Вторая же часть ответа, где идет речь об отнесении очереди «тем очередникам райисполкомов, которые нерадиво относятся к труду», с законодательством не согласуется. Непонятно, почему автору ответа «мнение трудового коллектива в этой части представляется нелишним».

Правда, в «Жилищном кодексе РСФСР», в ст. 34, действительно говорится о наказании очередников удлинением очереди «за злостное нарушение трудовой дисциплины, пьянство, хулиганство, мелкое хищение... и другие нарушения». Но это относится лишь к тем очередникам, которые надеются получить квартиру от своего родного предприятия. Но подобного исключения для нуждающихся в улучшении жилищных условий не делает Конституция СССР, определившая, что человек имеет право на жилище — без оглядки на его моральный облик. Впрочем, ст. 34 вообще составлена несколько легкомысленно: неясно, скажем, почему специально оговорены люди, которые совершили «мелкое хищение», а не крупное или среднее, изнасилование, убийство... И почему упоминаются только они, без членов своих семей, которые перед очередью ничем не провинились.

В ответе же тов. Костенко сильнее всего, пожалуй, настораживает короткое словечко «пока»: «пока такой порядок не установлен» в райисполкомовских очередях. Москвичам едва ли понравится, если новый, с длинным названием орган Мосгорисполкома со временем все же распространит «такой порядок», воцарившийся на предприятиях, и на своих очередников. Новая квартира москвичу и без того достается непросто: ему бы хоть где-нибудь получить...

Затем мы спросили Анатолия Ивановича, наверное, о самом наболевшем: **сейчас основанием для постановки на учет служит метраж. Вот почему люди, живущие в тесноте, но имеющие 0,1 м^2 «лишних», в число нуждающихся не попадают. Откажется ли вновь созданное Главное управление от этого критерия при оценке жилищных условий! Появятся ли новые критерии и какие!**

Ответ. Прежде всего, критерием оценки для признания граждан нуждающимися в улучшении жилищных условий является не только размер занимаемой площади. Ветераны войны, семьи погибших воинов и ряд других категорий граждан, имеющих льготы и проживающие в коммунальных квартирах, принимаются на учет независимо от размера занимаемой площади. С 1 марта 1988 года из коммунальных квартир берутся на учет коренные москвичи, прожившие в Москве 40 и более лет, имеющие 25-летний трудовой стаж. В дальнейшем прием на учет из коммунальных квартир будет распространен и на других москвичей, с тем чтобы все они к 2000 году получили отдельные квартиры. Поэтапное решение этого вопроса определено Комплексной программой. Но размер занимаемой площади в отдельных квартирах учитывается сейчас и будет учитываться в дальнейшем. Программа предусматривает увеличение нормы занимаемой площади в отдельных квартирах для постановки на учет до 7 м^2 жилой площади на одного человека в тринадцатой пятилетке и до 9 м^2 — в четырнадцатой пятилетке.

Необходимое дополнение. Конечно, размер занимаемой площади — не единственный критерий для оценки «признания граждан нуждающимися в улучшении жилищных условий». Однако ст. 29 «Жилищного кодекса РСФСР» все-таки начинается именно с этого главного критерия — с метража. Если человек никаких льгот не имеет, то разговор с инспектором начинается с «метров на человека», а не с вида из окна.

Нужно уметь отвечать на вопрос так, чтобы на вопрос не ответить! Наш собеседник вполне овладел этим дипломатическим приемом. В самом деле, вместо того, чтобы рассказать, какие новые критерии появятся и появятся ли они, он сообщил, что в нескором времени «увеличение нормы занимаемой площади для постановки на учет» приблизится к 7 м^2 на одного человека, а в отдаленном будущем — к 9 м^2. В таком случае почему не сказать, какая норма сейчас?

В «Основах жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик» (ст. 22) записано: «Норма жилой площади устанавливается законодательством союзной республики в размере не менее девяти квадратных метров на одного человека». Основы были приняты пятой сессией Верховного Совета СССР десятого созыва еще в июне 1981 года! А в 1989 году нам почему-то сообщают, что такая норма будет действовать лишь в четырнадцатой пятилетке! И то с оговоркой — «до»...

Но и это еще не все. «Жилищный кодекс РСФСР» (утвержден седьмой сессией Верховного Совета РСФСР десятого созыва в июне 1983 года!) определил, что «норма жилой площади устанавливается в

размере двенадцати квадратных метров на одного человека» (ст. 38). Если в четырнадцатой пятилетке будет только «до 9 м²» на человека, то когда же 12 станут нормой?..

А то, что говорится о жителях коммунальных квартир, вряд ли можно воспринимать серьезно. Скажите, почему для всех москвичей, даже для лимитчиков, одним из условий постановки на учет служит 10-летний срок проживания в городе, а для жителей коммунальных квартир — 40 лет? Да еще имеющих 25-летний трудовой стаж? Может быть, еще и непрерывный? И непременно на одном предприятии? Нам говорят, что Моссовет объявил борьбу с коммунальными квартирами, как когда-то воевал против подвалов. Та борьба тоже шла долго (для самих проживающих в подвалах тянулась нескончаемо), но в те далекие годы и строительства такого не было, как сейчас. И мы, заставшие подвалы, все-таки дожили до того, что успели забыть об этой печальной московской эпохе. Программа же ликвидации коммуналок и на программу, оказывается, не похожа...

Вдумайтесь: 40-летний человек, родившийся в комнате в коммунальной квартире, физически не может иметь 25-летнего трудового стажа. Для этого он должен бросить школу и пойти работать в 15 лет. Если же к своим 40 годам он имеет лишь 19 или 20 лет трудового стажа (это нормальная ситуация), то, согласно изложенной программе, его на учет ни за что не возьмут. А его мать, которая всю жизнь была домохозяйкой и которой к 40-летию сына уже около семидесяти,— не примут на учет тем более! Неужели в Моссовете верят, что эта коренная москвичка доживет до 1997 года (именно к этому году, согласно Комплексной программе, коммуналки в Москве должны быть ликвидированы)? Конечно, у нас есть долгожители, дай всем нам бог здоровья... Не следует, однако, забывать, что постановка на учет — это всего лишь учет, только первая, слабая, надежда на отдельную квартиру, а отдельную квартиру еще ждать и ждать. Так что, надо полагать, наш абстрактный 40-летний товарищ попадет на учет лишь в 45 лет, а в 55 — чем черт не шутит! — отпразднует первое в своей жизни новоселье в отдельной квартире. Хочется верить — со старушкой мамой...

Откуда взяты или кем подсказаны эти тоскливые цифры — 40 лет жизни в коммуналке при непременных 25 годах работы? Кто те ученые, которые их обосновали?

Странная все-таки у некоторых руководящих работников манера отвечать на вопросы: о том, о чем их спрашивают, не говорить, а сказанным порождать уйму новых вопросов. Впрочем, вскоре стало ясно, отчего это произошло...

Сколько сейчас семей стоит в очереди на новые квартиры?

Ответ. На 15 ноября 1988 года в исполкомах райсоветов состояло на учете по улучшению жилищных условий 638,7 тысячи граждан (граждан или семей? — **В. Б.**), значительный прирост очередников связан с расширением в Москве жилищных льгот и постановкой на учет коренных москвичей.

Сколько квартир в Москве строится ежегодно? Каких квартир — однокомнатных, двухкомнатных, трехкомнатных и т. д.? Много говорится о том, что строятся «не те» квартиры, что нужны. А сколько и каких квартир следовало бы строить? Чем вызвана ошибка в строительстве квартир? (Как уже говорилось, не все москвичи понимают, почему домов строится очень много, а для них в тех домах не находится хоть одной квартиры.)

Ответ. Дело не в ошибке, а в изменении демографической структуры населения. Хотя это можно было бы предусмотреть несколько ранее. Строится в Москве в среднем около 50 тысяч квартир в год. Сейчас ощущается острый дефицит одно- и трехкомнатных квартир. (Очень уклончиво. Мы спрашивали, сколько и каких квартир не хватает? Может быть, у автора ответа попросту нет этих важных цифр? — **В. Б.**) В связи с этим исполкомом Моссовета принято решение об изменении структуры квартир при строительстве жилых домов. Принято предложение об изменении размеров квартир — на большие и малые (а разве сейчас все квартиры строят одинаковыми? — **В. Б.**), более соответствующих демографии нуждающихся семей.

Справка. Я попытался отыскать решение исполкома Моссовета «Об изменении структуры квартир при строительстве жилых домов»: когда было принято? кого к чему обязывает? каковы сроки исполнения?

В бывшем Главмосстрое, ныне преобразованном в проектно-строительное объединение Мосстрой, меня авторитетно заверили, что никогда о подобном решении не слышали. Но даже если бы, сказали мне, решение и было, то жилых домов с увеличенным числом одно- и трехкомнатных квартир пришлось бы подождать лет эдак... ну, много лет. Потому что начинать надо не с решения, а с реконструкции домостроительных комбинатов. Или со строительства новых. Сейчас готовится документация на реконструкцию домостроительного комбината № 4. Она будет закончена лет эдак... ну, в необозримом будущем. Мне так и заявили. А существующие домостроительные комбинаты выпускают дома одних и тех же серий, которыми, там так и выразились, «уляпана» вся Москва,— с преобладающим числом двухкомнатных...

Заведующий секретариатом исполкома Моссовета Лев Владимирович Ульянов, человек, несомненно, осведомленный, уверенно заявил, что о подобном решении ничего не знает.

В протокольном отделе, посоветовавшись, сказали, что впервые о таком решении слышат...

Но, может статься, решение, о котором говорится в ответе, действительно существует, хоть его и не помнят специалисты...

Затем мы спросили: **стала ли очередь за последние годы двигаться быстрее? Или срок получения новой квартиры все еще 8—10 лет?**

Ответ. Сейчас сроки обеспечения жильем очередников райисполкомов почти в 2 раза превышают сроки обеспечения жильем очередников предприятий и организаций, что нельзя признать нормальным. (А разве нормально — не отвечать на вопрос? Неужели и в самом деле читатели, сами стоящие в очередях, спрашивают о чем-то недозволенном? — **В. Б.**) Чтобы свести до минимума этот разрыв, необходимо изменить порядок распределения жилой площади... В 1990 году мы намечаем отказаться от излишней централизации планирования распределения жилой площади и осуществлять ее через райисполкомы, что также должно сказаться на сокращении сроков обеспечения жильем нуждающихся.

Качество строительства: высокое? низкое?

Ответ. Исчерпывающий ответ на этот вопрос могли бы дать сами новоселы. С нашей точки зрения, качество новых жилых домов достаточно высокое. Во всяком случае, меньше стало претензий и при госприемке, и со стороны москвичей.

Предложение читателям. Такой ответ можно расценить как предложение высказаться о качестве новых квартир. Советую воспользоваться им: до сих пор от новоселов поступали самые невеселые, а иногда прямо-таки отчаянные письма, по ним принимались меры неспешно, вразвалку. Возможно, теперь необходимый ремонт сделают быстро — за этим, надо понимать, обещает проследить автор ответа.

Сколько новых квартир было отдано и продолжает отдаваться лимитчикам? Ведь лимит не закончен.

Ответ. Я бы иначе поставил вопрос: насколько привлечение иногородних рабочих осложнило жилищную проблему в г. Москве? (Это действительно совсем другой вопрос.— **В. Б.**) Ответ однозначен: механический прирост населения Москвы ежегодно на 30—40 тысяч граждан за счет привлекаемых иногородних рабочих по лимиту предприятий и организаций сильно осложнил жилищную ситуацию в городе. В настоящее время часть из них размещена в общежитиях на площади 5599,1 тыс. $м^2$, а остальные получили жилье в виде комнат и отдельных квартир. (Комнаты — это механическое продление жизни коммуналок, а сколько же все-таки отдельных квартир отдано приезжим? — **В. Б.**) Признаться, мне не нравится, когда в термин «лимитчик» вкладывается нарицательный смысл. (А разве мы вкладывали? — **В. Б.**) Это же рабочие, которых приглашали в Москву, они трудятся на заводах, в строительных организациях и должны быть обеспечены жильем. В настоящее время практика привлечения иногородних рабочих в Москву практически прекращена, кроме ограниченного числа их для работы на строительстве метрополитена.

Уточнение. «Приглашение в Москву», в свое время изобретенное исполкомом Моссовета, теперь осуждено. Тем более автор ответа ошибается, называя «приглашенных» «рабочими». Их главной целью была не работа, а постоянная московская прописка. Да и Москва крайне редко предлагала им заниматься чем-то серьезным: их «завозили» в Москву на грязные, подсобные работы, для выполнения которых не придумали механизмов. И за 23 года лимита эти механизмы так и не придумали: казалось, что они никогда больше не понадобятся, раз есть люди с их сильными руками. Впрочем, лимит — это особая тема. В 1988 году издательство «Московский рабочий» выпустило сборник «Московский ракурс», в котором о последствиях лимита говорится гораздо обстоятельнее, чем можно сказать здесь. Но итог лимитной политики Моссовета сильнее всего сказался именно на жилищной проблеме: новые жители должны были где-то обосноваться. А обосноваться они хотели хорошо, «по-московски»! Им, видно, перед приездом не сказали, что в столице еще живут в коммунальных квартирах, где в уборную выстраиваются очереди. Тогда же гостеприимный (за счет коренных москвичей, живущих со всеми неудобствами) исполком Моссовета выдвинул теорию о создании благоприятных условий для «рабочих». Сейчас немного позабылось, но еще несколько лет назад москвичи находились в полном недоумении: «рабочий», приехавший в Москву только вчера, уже сегодня получал отдельную квартиру. Едва вселившись в нее, он немедленно увольнялся с завода, со стройки... Вот какими обстоятельствами был вызван вопрос «Горизонта», подсказанный читателями, которые хотят знать, чего стоили Москве просчеты горсовета.

Пояснение к следующему вопросу. Острая жилищная проблема в городе вдобавок сопровождалась «игрой на дефиците». Затеяли ее сами органы учета и распределения жилой площади: там изобрели незаконную лазейку для внеочередного получения квартир! «Игра» заключалась в том, что эти органы, а также весь исполком, стали нанимать инспекторов, уборщиц, машинисток, дворников и т. п. ...бесплатно. Наградой за двухгодичное безвозмездное «услужение» стала... отдельная квартира. Даже после того, как газеты разоблачили эту серьезную «игру», она продолжалась. В последнее время борьба против ухода квартир «налево» и грубого нарушения трудового законодательства (работавшие «за квартиру» не получали не только зарплату, но и больничных листов!) велась непосредственно с Анатолием Ивановичем Костенко. Уже после публично данного им обещания, что «за квартиру» больше никто не работает, было установлено, что не только работает, но и продолжается найм новой «рабочей силы»! Лишь после очередного разоблачения безнравственный «за квартирный институт» был прикрыт. Но он действовал несколько лет. Сколько же квартир за эти годы ушло «налево»?

Можете ли Вы определить долю тех незаконно растраченных квартир, которые так и не достались законным очередникам?

Ответ. Речь идет о практике, существовавшей до 1985 года. Она осуждена как незаконная. («Как незаконная» она осуждена лишь в феврале 1987 года! Впервые же эта разновидность махинации квартирами была предана огласке в 1983 году.— **В. Б.**) Но при этом не следует впадать в крайность. Речь идет в основном о привлекавшихся на работу на общественных началах (снова этот дискредитирующий общественную, безвозмездную, работу термин! — **В. Б.**) очередников райисполкомов при условии предоставления им квартир через 3—4 (?) года работы в управлении или в районных отделах учета. Подавляющее большинство из них были пенсионеры. Но в самом управлении и в районных отделах учета имелись случаи привлечения на работу «за квартиру» неочередников. По этому вопросу было принято решение исполкома Моссовета, виновные наказаны.

Почему в отделах учета и распределения до сих пор не вывешивают списки получающих квартиры? Положение об этом содержит даже ст. 44 Конституции СССР, где сказано, что распределение квартир должно быть «справедливым... под общественным контролем».

Ответ. Совершенно точно могу констатировать, что списки очередников на получение квартир вывешиваются во всех отделах учета и распределения жилой площади исполкомов райсоветов. Но делается это не всегда в начале года из-за опоздания с принятием планов распределения жилья. Мы такую критику воспринимаем как справедливую и принимаем соответствующие меры. Теперь об общественном контроле. Он осуществляется постоянно действующими комиссиями, созданными в райисполкомах, которые рассматривают предварительно все жилищные вопросы — от постановки на учет до предоставления жилой площади. Рекомендации этих комиссий выносятся затем на рассмотрение исполкомов райсоветов, которые принимают окончательные решения.

Пояснение к ответу. По многолетним наблюдениям читателей, ни в одном отделе учета списков фамилий получающих и получивших квартиру не вывешивают. Речь в вопросе шла именно о них, а не просто об очередниках. Думается, нашим читателям не составит труда проверить утверждение автора ответа и о результатах сообщить редакции.

Некоторые журналисты ставят вопрос о так называемом перераспределении квартир, то есть о выселении из больших квартир людей,

оставшихся одинокими, и о вселении туда полноценных семей. Не кажется ли Вам такое перераспределение жестоким? В самом деле, может ли житься счастливо людям в квартире, откуда в слезах «выгнали» одинокую вдову, старика, оставшегося под конец жизни одиноким?

Ответ. ...Прежде всего, принудительные, административные меры по изъятию образовавшихся у граждан излишков жилой площади запрещены законом, и они не могут и не должны иметь место. Как показывает анализ, излишки площади образовались в основном у одиноких престарелых граждан. Выборочные опросы, проведенные Главным управлением социального обеспечения Мосгорисполкома, показали, что часть одиноких престарелых граждан и инвалидов изъявили желание сдать занимаемые ими 2—3-комнатные квартиры и переселиться в однокомнатные квартиры в домах, обеспечивающих им максимальные условия для проживания (наличие в домах аптек, магазинов и т. д.). Нам представляется такое решение правильным, по этому вопросу в Моссовет внесены соответствующие предложения.

В свое время, когда не было ничего проще, чем получить в Москве квартиру (разумеется, не для коренного москвича и очередника, а для лимитчика), прокуратура выявила немало фактов незаконного предоставления квартир. Случаи незаконного предоставления квартир, к сожалению, продолжаются. Не могли бы Вы привести пример восстановления справедливости?

Ответ. Позволю себе поставить другой вопрос: а на основании каких данных делается вывод о том, что «в свое время... не было ничего проще», чем незаконно получить квартиру? И уж совсем неуместно относить к нарушениям обеспечение жилой площадью рабочих, привлеченных на работу в Москву по лимитам предприятий и организаций. Но усиление контроля за распределением жилой площади со стороны Главмосжилучета, КНК, МГСПС, прокуратуры города позволило выявить немало случаев нарушения закона на предприятиях и в организациях, да и в исполкомах райсоветов. (Вот на основании этих данных читатели и позволили себе задать свой вопрос.— **В. Б.**) К примеру, Главмосжилучетом было установлено, что в ремстройтресте Куйбышевского района освобождающиеся жилые помещения на протяжении ряда лет заселялись работниками, проживавшими в общежитиях и не имевшими права на улучшение жилищных условий. После проверки почти все они возвращены в общежития, некоторые же из них (с учетом семейного положения) решением райисполкома получили комнаты, виновные должностные лица в РСТ наказаны.

Вопросы к ответу. Кто наказан? Каким образом? О каких «освобождающихся жилых помещениях» идет речь?

Очередной вопрос был логически связан с предыдущим. **Много квартир уходит на сторону до сих пор. Одним из видов такого разбазаривания жилья является предоставление квартир «ценным работникам», которых разные учреждения привозят для работы в Москву. Много ли в 1987—1988 годах было выделено квартир для таких целей? Расскажите, пожалуйста, о порядке рассмотрения этих вопросов. Случаются ли тут ошибки? Удается ли их исправить?**

Ответ. (Само собой, не на все вопросы.— **В. Б.**) Приглашение в Москву как столичный город, где сосредоточены союзные и союзно-республиканские министерства, являющийся и крупнейшим научным центром, неизбежно. Во всех случаях соответствующие ходатайства рассматриваются Моссоветом при условии обеспечения приглашаемых специалистов за счет жилой площади министерств и ведомств. В 1987 году для таких специалистов было выделено 245 квартир, в 1988 году — 191 квартира. (Несколько одноподъездных шестнадцатиэтажных «башен».— **В. Б.**)

Квартирная программа протянулась до 2000 года. Как Вы думаете, удастся ли ее выполнить? Будут ли в 2000 году все семьи жить в отдельных квартирах?

Ответ. Комплексная программа по обеспечению к 2000 году каждой семьи в г. Москве отдельной квартирой разработана в соответствии с установками XXVII съезда КПСС и постановлением ЦК КПСС от 17 апреля 1986 года «Об основных направлениях ускорения решения жилищной проблемы в стране». Реализация ее в такой сравнительно короткий срок — дело сложное. Но в ней заложены обоснованные расчеты, возможности и коррективы, и мы полагаем, что оснований для пессимизма нет.

Совершенно необходимый комментарий. Думается, что основания для пессимистичного взгляда в будущее первым дает сам исполком Моссовета, который в 1988 году принял ряд решений (№ 1426—192 от 7 июля, № 1440—13 от 11 июля, № 1578—сб—21 от 28 июля и еще пять) о разрешении некоторым министерствам возобновить (воспользуемся терминологией автора ответа!) «незаконный» лимит: в Москву уже вновь начинают «ввозить рабочих» под благовидным предлогом реконструкции центра города. Первая волна «приглашенных рабочих» с реконструкцией центра не справилась: Малый театр накренился. Зачем, казалось бы, неудачный опыт повторять? Далее. Согласно ст. 29 «Жилищного кодекса РСФСР» нуждающимися в улучшении жилищных условий признаются граждане, проживающие в общежитиях. В наших московских общежитиях уже прописаны десятки тысяч людей (отвечая на один из предыдущих вопросов о числе квартир, отдаваемых лимитчикам, которые ожидают их на койках в своих общежитиях, заочный собеседник зачем-то приводит метраж этих общежитий — 5599,1 тыс. м^2, тогда как всех интересует число потенциальных очередников на квартиры!) — как можно плодить их число!.. Но решения приняты, «завоз» строителей идет...

В заключение «Горизонт» попросил А. И. Костенко ответить на вопросы, связанные с обликом города.

Москва не похожа на другие европейские города, пожалуй, тем, что у нас первые этажи заняты под жилье. В других столицах первый этаж города отдан торговле, услугам: магазины — в каждой двери! Будет ли также и в Москве?

Ответ. Это предусмотрено планами реконструкции и застройки, хотя и не «в каждой двери». Но и тут возникают непредвиденные трудности. Скажем так, после освобождения первых этажей под магазины, жильцы вторых этажей нередко обращаются с групповыми жалобами, требуя отселения их в другие квартиры в основном из-за шума и неудобств, связанных с работой магазинов. В определенной мере это тормозит реконструкцию первых этажей.

Москвичи пережили несколько реконструкций и центра города, и его окраин. Сейчас проводится новая реконструкция, которая, как и прежние, естественно, коснется жителей. Расскажите, пожалуйста, ухудшит ли жилищные условия москвичей новая реконструкция, или, наоборот, улучшит их? Будет центр принадлежать жителям или преимущественно учреждениям?..

И тут интервью загадочным образом прервалось.

Ничего особенного!

Вопрос дальше звучал так: «**Выселение жителей из центра города продолжается: например, решением исполкома Моссовета № 2284 от 28 октября 1988 года установлено выселение дома № 19, строение 1, по Кузнецкому мосту, и размещение в этом доме одного из главков Министерства цветной металлургии СССР. Останутся ли «жилыми» Столешников переулок, Петровские линии, кольцо бульваров, Советская площадь и другие улицы и переулки в центре города! Вернут ли для заселения жилые дома, отданные учреждениям, Главмосстрою, например!»**

Не было ни этой, самой важной части вопроса, ни ответа на нее. Я связался с канцелярией исполкома Моссовета: не потерялась ли последняя страничка интервью? Но там не оказалось ни одной странички. В канцелярии нашего письма вообще не было! На оставшейся от письма карточке рукой тов. Костенко (мне поручились, что это именно его почерк) была сделана резолюция, которую звонко зачитали: «Начальнику Главмосжилучета Якушенко. Прошу ответить на вопросы». Ищите у Якушенко»,— посоветовали мне.

В канцелярии ведомства Эдуарда Сергеевича Якушенко письмо легко нашлось в архиве. Полностью, со всеми страничками. Мне терпеливо объяснили, что на вопросы «Горизонта» Эдуард Сергеевич отвечал не сам, он это дело перепоручил юристу Главмосжилучета Валентину Борисовичу Большунову... Ничего особенного не произошло. Можно было заранее предвидеть, что, получив вопросы, А. И. Костенко свой аппарат без работы не оставит. Но чтобы сплавить редакционное письмо с глаз долой, не проверить, отвечено ли правильно, а после отправки в редакцию не запросить письмо обратно!..

В последнее время мы начали привыкать к тому, что на вопросы корреспондентов отвечают не торопясь, обстоятельно партийные и государственные деятели, приезжие премьер-министры и президенты. Признаться, само обращение в исполком Моссовета было продиктовано стремлением как-то приблизить его непомерно отдалившихся от горожан руководителей, которые уже давно принимают решения, касающиеся каждого москвича, даже не думая советоваться с избирателями. Наверное, никто не припомнит открытого референдума по внутригородским проблемам, хотя такого рода референдумы проводить гораздо проще, чем всесоюзные. Скорее наоборот, некоторые последние решения исполкома Моссовета вызывали негодование горожан и даже побуждали их «выходить на улицы». Казалось, что жилищная проблема, одна из острых в городе, заставит заместителя председателя исполкома Моссовета со всей откровенностью поговорить со страниц московского журнала с москвичами. Это было тем более необходимо, что жилищная проблема не только острая, но и болезненная для многих. Ясность в этом вопросе, точные цифры, объяснение позиции исполкома Моссовета способны были снизить накал страстей. Вместо этого секретарше отдается приказ не соединять с журналистами (трудно поверить, что это ее собственная инициатива), письмо отправляется в Главмосжилучет — и пропадает из поля зрения на два с половиной месяца, хотя работы с ним для большого коллектива подчиненных на два с половиной часа, ну, на два с половиной дня, наконец, на две с половиной недели!..

В сущности, ничего особенного. Так было всегда, во всяком случае, уже много лет. Но, говорят, что времена переменились. Незаметно, правда, по нашему интервью, но ведь говорят...

Наум Коржавин

НАИВНОСТЬ

I

Наивность!
Хватит умиленья!
Она совсем не благодать.
Наивность может быть от лени,
От нежеланья понимать.

От равнодушия к потерям.
К любви... А это тоже лень.
Куда спокойней раз поверить,
Чем жить и мыслить каждый день.

Так бойтесь тех, в ком дух железный,
Кто преградил сомненьям путь.
В чьем сердце страх увидеть бездну
Сильней, чем страх в нее шагнуть.
Таким ничто печальный опыт.
Их лозунг: «Вера, как гранит!»
Такой весь мир в крови утопит,
Но только цельность сохранит.
Он духом нищ, но в нем — идея,
Высокий долг вести вперед.
Ведет!
Не может... Не умеет...
Куда — не знает... Но ведет.
Он даже сам не различает,
Где в нем корысть, а где — любовь.
Пусть так.
Но это не смягчает
Вины за пролитую кровь.

II

Наивность взрослых — власть стихии.
Со здравым смыслом — нервный бой.
Прости меня. Прости, Россия,
За все, что сделали с тобой.
За вдохновенные насилья,
За хитромудрых дураков.
За тех юнцов, что жить учили
Разумных, взрослых мужиков.
Учили зло, боясь провала.
При всех учили — днем с огнем.
По-агитаторски — словами.
И по-отечески — ремнем.

Во имя блага и свершенья
Надежд несбыточных Земли.

Во имя веры в положенья
Трех скучных книжек, что прочли.

Наивность? Может быть.
А впрочем,
При чем тут качества ума?
Они наивны были очень,—
Врываясь с грохотом в дома.
Когда неслись, как злые ливни,
Врагам возможным смертью мстя,
Вполне наивны.
Так наивны,
Как немцы — десять лет спустя.

Да, там, на снежном новоселье,
Где в степь состав сгружал конвой.
Где с редким мужеством
терпели —
И детский плач, и женский вой.

III

Все для тебя. Гордись, Отчизна.
Пойми, прости им эту прыть:
Идиотизм крестьянской жизни
Хотелось им искоренить.
Покончить силой — с древней властью
Вещей — чтоб выделить свою.
И с ней вести дорогой к счастью
Колонны в сомкнутом строю.

Им все мешало: снег и ветер,
Законы, разум, смех, весна,
Своя же совесть... Всё на свете.
Со всем на свете шла война.
Им ведом был — одним в России —
Счастливых дней чертеж простой.
Всей жизни план...
Но жизнь — стихия.
Срывала план. Ломала строй.
Рвалась из рук. Шла вкривь. Болела.
Но лозунг тот же был: «Даешь!»...
Ножами по живому телу
Они чертили свой чертеж.
Хоть на песке — а строя зданье.
Кто смел — тот прав.
Им неспроста
Казалось мелким состраданье.
Изменой долгу — доброта.

Не зря привыкли — в ожиданье
Своей несбывшейся судьбы
Считать
на верность испытаньем
Жестокость классовой борьбы.

Борьба!
Они обожествляли
Ее с утра и дотемна.
И друг на друга натравляли
Людей — чтоб только шла она.
И жизнь губили, разрушая
Словами — связи естества.
Их обступила мгла пустая.
Тем тверже верили — в слова.
Пока ценой больших усилий,
Устав от крови и забот,
Пришли к победе...
Победили.
Самих себя и весь народ.

IV

Не мстить зову — довольно мстили.
Уймись, страна! Устройся, быт.
Мы все друг другу заплатили
За всё давно,—
и счет закрыт.
Ну что с них взять —
с больных и старых.
Уж было всё на их веку.
Я с ними сам на тесных нарах
Делил баланду и тоску.
Они считали, что безвинны,
Что их судьба,— как с неба гром.

Но нет! Тому была причина —
Звалась: великий перелом.

Предмет их гордости... Едва ли
Поймут когда-нибудь они,
Что всей стране хребет сломали
И душу смяли ей — в те дни —
Когда из верности науке,
Всем судьбам стоя поперек,
Отдали сами — властно — в руки
Тем, кто не может,
тех, кто мог,
Чтоб завязалась счастья завязь,
Они — в сознаньи вещих прав,—
Себе внушили веру в Зависть,
Ей смело руки развязав.
В деревне только лишь...
Конечно!
Что ж в город хлынула волна?
Потоп!
Ах, где им знать, сердечным,
Что всё вокруг — одна страна.
Что в ней — не в тюрьмах,
в славе, в силе,
Они — войдя в азарт борьбы,
Спокойно сами предрешили
Извивы собственной судьбы.

Кто б встал за них — от них же зная,
Что совесть гибкой быть должна.
Живой страны душа живая
Молчала в обмороке сна.
Не от побед бывают беды,
От поражений... Мысль проста.
Но их бедой была победа,—
За ней открылась — пустота.

V

Они — в истоке всех несчастий
Своих и наших... Грех не мал.
Но — не сужу...
Я сам причастен.
Я это тоже одобрял.
Всё одобрял: крутые меры,
Любовь к борьбе и строгий дух.—
За дружбы свет, за пламя Веры,—
Которой не было вокруг.
Прости меня, прости, Отчизна,
Что я не там тебя искал.
Когда их выперло из жизни,
Я только думать привыкал.
Немного было мне известно,
Но все ж казалось — я постиг.
Их выпирали так нечестно,
Что было ясно — честность в них.
За ними виделись мне грозы,
Любовь... И где тут видеть мне
За их бедой — другие слезы,
Те, что отлились всей стране.
Пред их судьбой я не виновен.
Я ею жил, о ней — кричал.
А вот об этой — главной — крови
Всегда молчал. Ее — прощал.
За тех юнцов я всей душою
Болел... В их шкуру телом влез.
А эта кровь была чужою,
А мне дороже был прогресс.
Гнев на себя — он не напрасен.
Я шел на ложные огни.
А впрочем, что ж тут? Выбор ясен.
Хотя б взглянуть на наши дни:
У тех трагедии, удары,
Судьба... Мужик не так богат:
Причин — не ищет. Мемуаров —
Не пишет... Выжил — ну и рад.
Грех — кровь пролить из веры в чудо.
А кровь чужую — грех вдвойне.
А я молчал...
Но впредь — не буду:
Пока молчу — та кровь на мне.

1963

Андрей Бессмертный

ВРЕМЯ ГОВОРИТЬ И ВРЕМЯ СТРОИТЬ

У меня и сейчас перед глазами этот ясный зимний день с его легким морозцем и ослепительно-серебристыми от инея деревьями, спускающимися с высокой горы к Москве-реке. Маленькая церковка бывшего села Воробьева, построенная в середине XVII века и посещаемая некогда самим царем Алексеем Михайловичем Тишайшим, кажется, парит в облаках, нависая над излучиной реки. Совсем недавно в ограде церкви находилось старинное сельское кладбище. Теперь оно уничтожено, видимо, воробьевские крестьяне не заслужили того, чтобы память о них сохранилась в истории. Храм Живоначальной Троицы в Воробьеве — ближайший к нашему дому, поэтому в то праздничное утро мы пришли с женой и дочерью именно сюда.

Итак, 19 января, один из великих праздников христианской церкви — Крещение, или Богоявление (по гречески — Епифания). Идет торжественное богослужение. Мы стоим далеко от амвона и священника почти не слышим. Вокруг какое-то безумное столпотворение. Церковь в буквальном смысле слова забита до отказа: ни войти, ни выйти. Гул и звяканье создают немолчный тягостный фон, в целом все происходящее напоминает ситуацию на вокзале. Стоящая рядом с нами женщина неожиданно громко произносит: «Нет, это не богослужение!» — и, не без труда протиснувшись сквозь толпу, покидает храм. Чувствую, что пора начинать мои привычные «обязанности», и, оставив жену и дочь в безопасном месте, сам пробираюсь к выходу. На улице поворачиваю за угол, чтобы снова зайти в церковь, но уже через служебный вход.

Хор на клиросе поет праздничный тропарь: «Во Иордане крещающуся...», а один из священников, завидев мою фигуру, деловито кивает мне, показывая в угол. Продираюсь сквозь толпу и выношу на воздух потерявшую сознание немолодую женщину. Достаю валидол, без которого никогда не хожу на праздничную службу — всегда найдется, кому предложить. Женщина открывает затуманенные глаза, кладет под язык одну таблетку, затем вторую. Возвращаюсь — дьякон показывает мне на другой угол. Помогаю выйти смертельно бледной девушке, в последний момент она все-таки падает в обморок, и, если бы не второй мужчина, я не успел бы ее поддержать. Снова валидол.

К моменту окончания богослужения пришлось вызвать не одну машину «скорой».

Такое положение в дни больших праздников характерно не только для этой сельской церквушки, оказавшейся в черте Москвы, но и практически для всех прочих храмов без исключения. Хорошо помню, как много лет назад, еще будучи студентом, я сам едва не потерял сознание в главном соборе Русской православной церкви, Богоявленском Елоховском во время службы Великого Четверга, последнего перед Пасхой.

Попытаемся подсчитать, сколько же прихожан должно поместиться у нас в одном молитвенном здании? Согласно данным журнала

«Социологические исследования» (1987, № 4, с. 40), число приверженцев Русской православной церкви в СССР сегодня составляет от 12 до 20 процентов общего числа населения страны. Таким образом, количество активно верующих православных определяется примерно в 20—30 миллионов. Разделив эту цифру на 6,5 тысячи действующих ныне церквей, получаем искомое. Впечатляет? Увы!.. М. Сташевский в своей книге «Социалистическое государство и религиозные объединения» (М., 1979) приводит некоторые цифры по ряду восточноевропейских стран традиционной православной культуры. Так, Болгарской православной церкви принадлежит 3,5 тысячи храмов и часовен (население всей Болгарии меньше, чем численность Москвы), Сербской православной церкви (включая Македонскую) — около 5 тысяч храмов, Румынской православной церкви — 8,6 тысячи приходов...

И все же Москва по сравнению с другими городами страны находится, можно сказать, в некотором привилегированном положении — в большинстве миллионных областных центров действуют одна-две, редко три церкви, и ситуации там бывают значительно острее. При этом православные Тулы который год тщетно просят вернуть им Успенский собор городского кремля, самый вместительный храм Астрахани превращен в автовокзал, пустуют древнерусские святыни — София Киевская и София Новгородская, в аварийном состоянии бывший кафедральный собор Кишинева...

Весьма сомнительна и привилегия Москвы: разве можно считать нормальным число в 49 церквей * для населения, которое вместе с ежедневным притоком иногородних и туристов составляет 11 миллионов человек, а собственно москвичи расселены по районам, каждый из которых и по территории и по населению (от 100 до 450 тысяч) сам может быть соотнесен с отдельным большим городом?

Летом 1987 года мне довелось быть по этому поводу на приеме у уполномоченного по делам религий г. Москвы А. С. Плеханова. Хозяин кабинета был вежлив и предупредителен, но решительнейшим образом отказался признать правомочной даже саму мысль об открытии новых православных зданий в столице и других городах. «Даже и не мечтайте об этом,— говорил он.— Да и необходимости в открытии новых церквей нет. Незадолго до вас я принимал старосту одного из крупнейших московских храмов, которая, к вашему сведению, сообщила мне, что по обычным дням у них на службе бывает не более пятидесяти человек».

Я не счел нужным полемизировать с государственным мужем, однако, для читателей могу пояснить, что, согласно церковной практике, в обычные дни на богослужении как раз и должно присутствовать не более 50 человек, а в праздничные — не свыше 150—200, за исключением разве что соборов, соразмерных Елоховскому или Исаакию. Богослужение, несмотря на его коллективность, есть действо глубоко интимное и рассчитано оно на приходскую общину, объединяющую жителей одного или нескольких кварталов. Это в особенности касается нашей православной традиции, по которой храмовое пространство предполагалось именно небольшим — вспомним церковь Покрова на Нерли. По этой самой причине в наших городах и было всегда так много культовых зданий, а крупные торговые села строили у себя второй и даже третий храмы, получая вместе с этим право на ярмарку и наименование слободы.

* Без учета церквей, расположенных за пределами московской границы — кольцевой автодороги.

В географии действующих православных церквей Москвы хаотичности, пожалуй, больше, чем закономерности. Последняя состоит, главным образом, в том, что наименьшее число храмов приходится на исторический центр города, с одной стороны, и на предместья, образовавшие в 1960 году «Большую Москву», с другой. Ни в Кремле, ни в Китай-городе нет ни одной действующей церкви, хотя именно здесь сосредоточены главнейшие духовные святыни русского православия; именно отсюда начало свое историческое развитие далекое и провинциальное залесское княжество, преобразовавшееся со временем в великое государство. Я ни в коем случае не вкладываю в вышесказанное какой-либо «великодержавный смысл», тем более что христианство наднационально и даже в известном смысле «надполитично». Отождествление православия с «русскостью» вредно прежде всего для самого православия, не делает чести какому бы то ни было националистическому экстремизму, готовому кощунственно использовать христианское учение в качестве той или иной идеологии. Подобное отождествление и исторически неверно: среди нас есть и старообрядцы, и приверженцы различных чисто русских сект, и протестанты. Но одно дело — рост сторонников различных исповеданий вследствие причин естественных, а другое дело, когда Русская православная церковь, являвшаяся-таки историческим связующим звеном между русскими, украинцами, белорусами и многими другими народами России, подвергалась намеренному и систематическому давлению и ослаблению.

Наша печать, касаясь сферы отношений между церковью и государством в СССР, до недавнего времени молчала о самом существенном и важном на сегодняшний день: ленинский декрет 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» на практике никогда не исполнялся. Этот декрет, при всей своей радикальности, так как он крайне решительно провозглашал тотальную секуляризацию в обществе религиозном по преимуществу (до Октябрьской революции 99 процентов населения так или иначе было связано с религией), был тем не менее демократичным. Единственным его положением, противоречащим принципу свободы совести, являлось лишение религиозного общества прав юридического лица. Однако вскоре последовали правовые акты 1929 года, и нормальное органическое развитие Русской православной церкви на долгие годы было блокировано сталинским террором, перемоловшим верующих и неверующих (высшая точка ежовского террора 1937—1938 годов — на свободе всего четыре епископа, погибло свыше 100), крестьян и рабочих, писателей и ученых, беспартийных специалистов и верных ленинцев.

«Хрущевская оттепель», положившая конец произволу и репрессиям сталинизма, парадоксальным образом вновь обрушила их на верующих — был взят курс на ускоренное построение коммунизма, где не оставалось места «религиозным предрассудкам». Именно в 60-е годы были закрыты те самые православные церкви и монастыри, которых так сейчас недостает. (Перед началом «хрущевского» гонения на территории нашей страны функционировало около 22 тысяч православных храмов и 69 монастырей. На сегодняшний день осталось 6,5 тысячи храмов и 18 монастырей.)

А сколько из отнятых храмов и монастырей ныне стоят в развалинах, на стыд и позор всему нашему обществу. Соловки, Валаам, Дивеево — ни у церкви, ни у государства не хватает средств на их реставрацию, а ведь дорог каждый день. Только одна наша Москва потеряла множество уникальнейших памятников международного значения. Какие суммы понадобятся, пожелай мы теперь восстановить Казанский

собор на Красной площади (угол улицы 25 Октября, бывшей Никольской) или такие архитектурные жемчужины, как древнейший из кремлевских соборов Спас на Бору и церковь Успения на Покровке (по преданию, Наполеон приказал постоянно поливать ее водой во время московского пожара, чтобы спасти, мы не пожалели — взорвали). Но вернемся к географии московских храмов.

В Белом городе, ограниченном Бульварным кольцом, открыты всего четыре церкви, в Земляном — семь. Однако многие обширные части старой Москвы — Лефортово, Дорогомилово, Симоново, Рогожка, Семеновское — и вовсе лишены действующих культовых зданий.

А ведь они там есть. Большие, вместительные. Стоят без применения. Ветшают. Это — храм Мартина Исповедника в Таганке, Климентовский собор на Пятницкой, церкви Николая Чудотворца на Болвановке и Воскресения в Кадашах, церкви великомученика Никиты в Старой Басманной, Петра и Павла в Новой Басманной, Вознесения на Гороховом поле... Сколько бы проблем решила передача этих церквей, являющихся к тому же ценнейшими архитектурными памятниками, верующим. Они готовы восстановить и отреставрировать их на собственные средства!

Лишены своих храмов верующие многих районов московских новостроек: Железнодорожного, Тушинского, Ворошиловского, Кунцевского, Гагаринского, Черемушкинского, Севастопольского и других. Замечательно, что в Орехово-Борисове был заложен храм-памятник Тысячелетию Крещения Руси, но пока он не выстроен, почему бы не отдать им Троицкую и Никольскую церкви, расположенные в соседних Царицыне и Сабурове?

Организованные общины верующих постоянно ходатайствуют об открытии церквей в Троекурове, Воронцове, Зюзине, Узком, Бусинове и Конькове. Так в чем же дело? Поставленные нашими предками приходят в негодность и церкви Спаса на Сетуни, Покрова в Филях, Знаменья в Перове, Влахернской Божьей Матери в Кузьминках, храмы в Троице-Голенищеве и Троице-Лыкове.

С радостью мы узнали из «Огонька» о мнении председателя Совета по делам религий К. М. Харчева (1988, № 50), что было бы «оправданным вообще передать все православные храмы Русской православной церкви, которая бы несла за них полную ответственность». Хочется надеяться, что за этими словами последуют и действия. Однако приходится пока с сожалением констатировать, что православным не передали даже к юбилею Крещения Руси давно отреставрированную церковь св. князя Владимира в Старосадском переулке, построенную в 1514 году Алевизом Фрязиным. Другая церковь св. равноапостольного Владимира (на Хавской улице) незадолго до Тысячелетия была превращена в... гриль-бар, в каковом качестве и продолжает существовать.

Было бы большой ошибкой полагать, что единственное желание православных священнослужителей и мирян сводится к тому, чтобы добиться открытия новых церквей и монастырей. У церкви достаточно своих, в н у т р е н н и х проблем, гораздо менее заметных стороннему наблюдателю, пусть даже и доброжелательному.

Ограничение свободы православия, использование по отношению к нему методов грубого администрирования и сурового контроля, имеющих целью полное подчинение священства и епископата (государственный контроль распространялся на назначения епископов, настоятелей, церковных старост, а также на отбор студентов духовных школ), как и следовало ожидать, привели к непредсказуемым и в каком-то смысле противоположным результатам. Чиновникам, страдавшим, по выражению К. М. Харчева, «синдромом запретительства», и в голову не приходило, что основное тело церкви всегда составляли и будут составлять миряне.

Движение активных мирян возникло с конца 60-х годов и явилось прямым результатом «хрущевских» гонений. В церковь пришло большое число молодежи, воссоединившейся с православными старших поколений, пережившими сталинские лагеря и ссылки. Более смелые, а иногда и попросту непосредственные в своих естественных реакциях, группы новообращенных чаще всего объявлялись в период застоя «религиозными экстремистами» и даже подвергались репрессиям.

Что же оказалось в действительности? Политика перестройки и гласности, давшая мощный и, хочется надеяться, необратимый импульс процессу общего оздоровления всех сфер нашего социально-политического и культурного бытия, показала, что ни среди духовенства, ни среди многочисленных групп и приходских объединений мирян Русской православной церкви «религиозных экстремистов» нет и не было! Призывы к религиозной свободе и терпимости среди православных, наши ходатайства — иногда совместно с духовенством и епископатом — о предоставлении церкви и верующим более широких прав и возможностей в рамках нашего общества основаны на конституционных началах и желании содействовать перестройке и нравственному исцелению тяжелых ран, нанесенных нам всем прежними десятилетиями.

Сама по себе вера в Бога у нас давно уже не преследуется законом, как это было в сталинские «безбожные» пятилетки. (Мало кто знает сейчас о том, что в 1931 году III пленум Центрального совета Союза воинствующих безбожников принял решение о полной ликвидации церкви и всех форм религии. К 1 мая 1937 года имя Бога должно было быть забыто на всей территории СССР. Немногие помнят сегодня, что ради искоренения самого понятия «воскресение» в 30-е годы седьмой день недели был отменен вместе со всей неделей — ввели так называемую «шестидневку».) Тем не менее и теперь внутренних проблем у православных гораздо больше, нежели внешних. Многие ли из граждан нашей страны задумывались о том, как живется нам, верующим?

Из-за катастрофической нехватки православных церквей к исповеди у нас всегда стоит огромная очередь. Священнослужителям приходится проводить так называемые «общие исповеди», стоя перед толпой прихожан, они в полупроповеднической форме перечисляют грехи, а паства, крестясь и кланяясь, совершает таким образом «коллективное покаяние», после чего остается только подойти по очереди к священнику и быстро получить индивидуальное отпущение грехов. Ни на какую духовную беседу времени не хватает: задержаться имеет право лишь тот, кто накануне совершил тяжкий проступок, например, кого-нибудь убил или ограбил, допустил супружескую измену, «случайно» отрекся от Бога или «летал на шабаш»... Но идти на «мокрое дело», чтобы чуть дольше поговорить со священником?..

Для тех, кто не всегда работает в будни, есть надежда попасть на индивидуальную исповедь, но будет не очень корректным вместо покаяния в собственных грехах спрашивать священника о том, как поступить в той или иной бытовой ситуации или как понять какое-либо место в Священном Писании. Священникам негде беседовать с прихожанами, разве что в церковном дворике на свою голову. Ведь если это будет замечено и сообщено местному уполномоченному по делам религий, одна из задач которого как раз и состоит в недопущении

контактов священнослужителя и паствы, то такому батюшке могло очень даже «не поздоровиться» — раньше, случалось, и прихода лишали.

Итак, в повседневной жизни Русской православной церкви вообще отсутствует ныне такое понятие, как приемные часы священников для бесед с прихожанами. Тем более нет у нас сегодня практики приема мирян епископом, считающейся по древним канонам для церкви обязательной: «Епископ или пресвитер, не радящий о причте или о людях и не учащий их благочестию, да будет отлучен. Аще же останется в сем нерадении и леності, да будет извержен».

Не только те, кто посещает храмы из интереса, но и значительная часть прихожан не имеют почти никакой возможности понимать богослужение. Церковнославянский язык, восходящий к старомакедонскому, существенно отличается от русского, украинского и белорусского. В церкви есть сторонники и противники осовременивания богослужебного языка — это дело спорное. Но решить вопрос можно было бы простейшим способом — издать богослужебные тексты с параллельным русским переводом. Однако в силу общей несвободы церкви пока это тоже невозможно.

Сталинское законодательство о религиозных объединениях, которое до сих пор не отменено, запрещало церкви не только владеть, но и арендовать типографии. Собственной издательской базы у церкви нет. Никакая религиозная литература Московской Патриархией не печатается в о о б щ е, хотя формального запрета на это, как и на регулярный прием представителями иерархии прихожан, не существует. До сего времени все это относилось к области «синдрома запретительства». И все же согласитесь: странный диалог велся с нами со стороны представителей научного атеизма, широко печатавших собственную литературу и запрещавших — религиозную.

Мне могут возразить: как же так, а Библия, а журналы? Действительно, на основании того, что Церковь выпускает Библию и Новый Завет, Типикон и Служебник, десятилетиями у нас в стране утверждалось, что с религиозной литературой у нас «все в порядке».

Однако Библия и входящий в ее состав Новый Завет, часто издающийся отдельно,— священные тексты христиан, необходимые для ежедневного чтения и изучения, в таковом качестве они не носят и не могут носить наименования «религиозной» или «богослужебной» литературы. Печатаются они ничтожными тиражами, стоят дорого и практически нигде не продаются. Чтобы в этом убедиться, достаточно зайти в любую церковь или вспомнить, что у нас никогда не говорят «купить Библию», но всегда — «достать».

Собственно религиозная литература охватывает принципиально иную сферу чтения, пишется и издается в целях, не имеющих прямого отношения к богослужебному процессу и официальным документам. Каждый верующий хотел бы иметь комментарии к Св. Писанию, Катехизис (изложение основ вероучения в развернутой или хотя бы краткой форме), библейский словарь, Четьи-Минеи (изложения житий святых по месяцам), Патерики (собрания притч, поучений и рассказов о подвижниках-монахах) и многое другое. Здесь приведен лишь примерный минимум, необходимый верующему. Но существует еще обширный свод трудов по богословию, церковному и каноническому праву, церковной археологии, русской и зарубежной церковной философии и истории. Любой народ только бы гордился блистательными богословами и религиозными мыслителями, которых дала миру Россия. Мир их знает и чтит, Россия — нет. Меня искренне интересует — почему наше образованное общество добровольно приговаривает себя к постоянной духовной самокастрации?

За последние двадцать лет в нашей церкви появилось много писателей и публицистов из духовенства и мирян, но печататься им негде. Альманах «Богословские труды» выходит с частотой раз в год. А «Журнал Московской Патриархии» и «Православный вестник» (на украинском языке) представляют собой тонюсенькие издания, состоящие, главным образом, из официальных отчетов, документов, связанных с борьбой за мир, поздравительных телеграмм, некрологов, скудных епархиальных новостей и трех-четырех страниц назидательного чтения. К тому же ограниченные тиражи, строгий контроль, отсутствие подписки. Администрация застойных времен словно бы специально заставляла нас публиковать свои работы в зарубежных православных изданиях — чтобы обвинить затем в «передаче материалов на Запад». А куда нам было их передавать? На Восток? В «Вестник подворья Московского Патриархата в Японии», выходящий на японском языке?

Православные круги остро нуждаются сегодня в свободных и общедоступных журналах, которые бы естественным образом существовали в рамках законности. Лишь сейчас, в период гласности и демократизации стали выходить «неформальные» машинописные журналы «Аминь», «Благовест», «Бюллетень христианской общественности», «Выбор», «Невский духовный вестник», «Чаша» и т. д.— однако их издатели готовы выпускать их и вполне официально. По той простой причине, что, как справедливо отметил в статье «Утверждая свободу совести» К. Харчев (Известия. 1988. 26 января), «можно с уверенностью сказать, что... сегодня верующие, религиозные организации, действующие в нашей стране, сказали «да» перестройке». И хотя страхи и кошмары сталинской эпохи далеко не сразу поддаются изгнанию из всеобщего «коллективного бессознательного», я глубоко убежден, что, по известным словам Экклесиаста, наступило, наконец, время любить и врачевать, сшивать и насаждать... Наступило время говорить и время строить — во имя нашего общего будущего.

Русская православная церковь, другие религиозные направления могли бы эффективно и бескорыстно помочь и правительству, и обществу. Но для этого необходимо, чтобы церковь была юридически свободной и обрела свое реальное достоинство. Мы, верующие, не можем больше считать себя преступниками, призраками, экстремистами, внутренними врагами, каковыми нас делало сталинское законодательство. «Россия нуждается в новых деятелях на всех поприщах жизни: государственной — для осуществления реформ, экономической — для поднятия народного хозяйства, культурной — для работы на пользу русского просвещения, церковной — для поднятия сил учащей церкви, ее клира и иерархии. Новые люди, если дождется их Россия, будут, конечно, искать и новых практических путей для своего служения и помимо существующих программ, и я верю — они откроются их самоотверженному исканию». Так писал еще в 1911 году, до принятия священства, известный философ С. Булгаков в своей книге «Два града». Удивительно современные строки, так и кажется, что написаны они для всех нас, для нашего сегодня и ради нашего завтра. Но способны ли будем все мы прислушаться к ним?

С 15 апреля в Театре на Таганке начались прогоны «Живого».

19-го — до репетиции была лекция о международном положении, в том числе и о положении в Чехословакии.

19 и 20 апреля на репетициях «Живого» присутствовали:

В. РОСЛЯКОВ, секретарь правления Московского отделения СП СССР, член парткома;
А. КОНДРАТОВИЧ, заместитель главного редактора журнала «Новый мир»;
И. ВИНОГРАДОВ, зав. отделом прозы, член редколлегии журнала «Новый мир»;
Н. КРЫМОВА, критик, член редколлегии журнала «Театр»;
А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ, поэт, член художественного совета театра;
В. ТОЛСТЫХ, канд. филологических наук, член художественного совета театра;
В. ЛОГИНОВ, кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, член художественного совета театра;
Н. ЭРДМАН, писатель, член художественного совета театра;
Л. ДЕЛЮСИН, канд. исторических наук, зам. директора Института международного рабочего движения.

ИЗ ДНЕВНИКА А. КОНДРАТОВИЧА

«19 апреля 1968 года. Был сегодня в Театре на Таганке на прогоне спектакля по «Кузькину» Можаева. Все было вначале очень мило... Вдруг поднимается некто, сидевший рядом с Любимовым, и говорит: «Юрий Петрович, я вам запрещаю делать прогон!» — «Почему?» — «Спектакль сырой, и его еще рано показывать».— «А я его никому и не показываю, я работаю».— «Я вам запрещаю!» — «Как директор, вы мне, главному режиссеру, не можете это запретить. Я еще главный режиссер. Здесь присутствуют члены художественного совета и приглашенные мною друзья театра, с которыми я хочу посоветоваться. Это мое право».

(Дело в том, что райком партии «спустил» указание: на репетициях не должны присутствовать посторонние лица. 19-го в зале, кроме художественного совета и актеров, находились Жан Вилар и Макс Леон, корреспондент «Юманите» в Москве. И директор воспользовался этим. Любимов вынужден был объясняться.)

«Господин Жан Вилар — мой большой друг, знаменитый режиссер и актер, и я имею право пригласить его на мою работу, чтобы посоветоваться...» Директор уже грозит выключить свет. Актеры на сцене бушуют: «Мы пришли сюда, чтобы работать, а вы нам срываете работу...» Директор обращается к секретарю парторганизации. Поднимается молодой человек, явно растерянный, и не знает, что говорить. Тогда Любимов: «Давайте вместе с секретарем, председателем месткома удалимся и посовещаемся». Актеры кричат: «И мы!» Кого-то из них берут и уходят. Проходит минут 10, появляется Любимов. Спокойный (а у него, оказывается, уже был инфаркт, и я подивился его самообладанию — ни разу не задрожал голос, не возвысился, не сорвался в фразе) — и объявляет: «Я прошу извинения у товарищей. Сейчас мы начнем прогон. Актеров прошу собраться. Конечно, сцена была неприятная, но нервничать не надо. Успокойтесь» *.

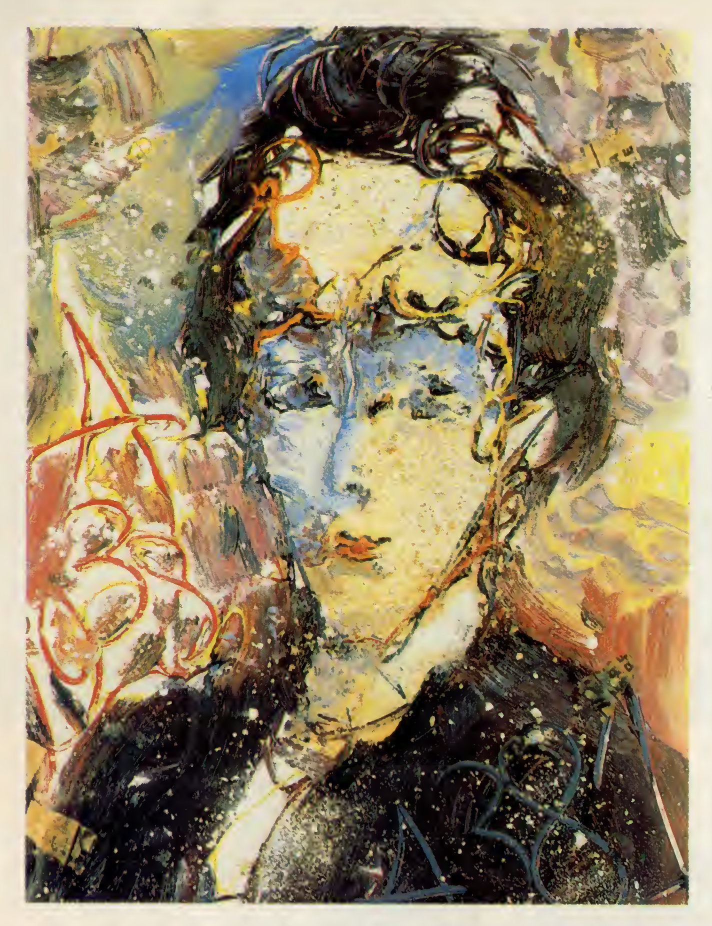
* По страницам «Новомирского дневника» Алексея Кондратовича // Театральная жизнь. 1989. № 1. С. 23—24.

Рыбак. *1970*

Испанцы. *1971*

Портрет В. Хлебникова. *1981*

Улан и Маша. *1986*

Любимова вызывают в Кировский райком партии *. Заседание ведет П. И. Шабанов — первый секретарь РК КПСС. Одна из членов бюро, директор кондитерской фабрики бросает Любимову: «Вы понимаете, чей вы хлеб едите?»

Вспоминает Б. Глаголин, секретарь парторганизации Театра на Таганке:

«Юрий Петрович был бледный. Он был выбит из колеи. Бюро райкома рекомендовало Управлению культуры рассмотреть вопрос об укреплении руководства Театра на Таганке (то есть о снятии Любимова.— ***Г. А.*****). Бюро заседало в комнате, где дверь была как бы замаскирована и ее трудно было сразу найти. Юрий Петрович ткнулся раз, другой в стену — не мог найти выхода. Страшный символ!»**

22 апреля. В. Золотухин записывает в дневнике: «День слухов». В театре срочно собирается комсомольское собрание.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА КОМСОМОЛЬСКОГО СОБРАНИЯ

Присутствовали: 32 чел. комсомольцев и несоюзной молодежи. Из 19 комсомольцев присутствовали 14.

Слушали: о создавшемся положении в театре.

Постановили: комсомольское собрание просит партийное бюро разъяснить коллективу театра в срочном порядке факт распространения зловредных слухов о «подыскивании» нового главного режиссера Театра на Таганке... дабы здоровье производства и производственные нормы были восстановлены.

Комсомольцы и несоюзная молодежь театра единодушно подтверждают этим собранием свое полное доверие и единство взглядов с руководителем театра главным режиссером Ю. П. Любимовым.

Председатель собрания В. Смехов
Секретарь В. Золотухин

22 апреля Любимова в театре не было. Он сказал директору — Н. Л. Дупаку, что болен и что 23-го на конференцию театрального актива в Театре имени Ленинского комсомола прийти не сможет. Однако на конференцию все же пришел. Хотел выступить, но слова не давали.

Г. Ронинсон, актер Театра на Таганке, рассказывал в 1968 году, что его удивило «выступление Степановой — народной артистки СССР, которая в нашем театре не была и спектаклей не видела, но осуждает их». Любимова ругали, намекали, что «мощная» группа актеров была бы довольна его снятием с работы.

Актеры выкрикивали с места, Н. Губенко размахивал выпиской из протокола комсомольского собрания. П. Глебов из Театра имени Станиславского одернул его: «Губенко, сядьте!» И вдруг... А. Сабинин намеренно громко, чтобы услышали в президиуме собрания: «Неужели вы не понимаете, что между вами и залом — пропасть» **.

Начальник управления культуры Б. Родионов, желая поскорее закрыть конференцию, не отважился тем не менее нарушить порядок ведения. На его вопрос: «Какие будут предложения по поводу социалистических обязательств?», Любимов поднял руку. Его спросили: «Вы по поводу соцобязательств?» — «Да, да, у меня обязательства,— ответил он, поднялся на сцену и... рассказал об обстановке, сложившейся

---

* По тогдашнему административно-территориальному делению Москвы Театр на Таганке находился в Кировском районе.

** А. Сабинина за эту фразу собирались уволить из Щукинского училища, где он тогда преподавал.

в театре, зачитал текст, который, как потом стало известно, был его письмом к Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу.

26 апреля 1968 года в Театре на Таганке организовали общее собрание. Повестка дня: «О недостойном поведении отдельных членов коллектива театра на активе московских театров 23 апреля в помещении Театра имени Ленинского комсомола». В собрании принял участие Сакиев, инструктор Кировского райкома партии, куратор Таганки.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ

В. ВЫСОЦКИЙ. Хорошо, когда лицо (театра.— *Г. А.*) веселое или серьезное, но не хмурое или злобное. Но, к сожалению, все эти четыре года лицо это вынуждено было и хмуриться, и очень часто, перед каждой премьерой, принимать выражение болезненного ожидания, а иногда и отчаяния. Кто теперь может сомневаться в лояльности «10 дней», а ведь и с этим спектаклем были трудности. И каждый раз после нескольких месяцев работы, а работают у нас вы знаете как, Любимов не уходит из театра иногда по 16 часов, смотрит почти все спектакли, чтобы держать их в форме, то же можно сказать и об актерах. После спектакля «Пугачев», например, Бояджиев сказал, что он за много времени, наконец, увидел святой актерский пот. Пот и нервы. И вот перед премьерой начинаются только нервы. Кто-то уже информировал наших руководителей, и они или идут с предвзятым отношением или не идут вовсе. Мнение должно сложиться у людей после творческого акта — просмотра спектакля, а не до. Критике всегда должно предшествовать творчество, а не наоборот...

ЗОЛОТУХИН. ...С каждым новым спектаклем начинается старая борьба с чиновниками.

...Спектакль («Послушайте».— *Г. А.*) дрался за право быть два месяца, после чего Любимов на три месяца слег в больницу. Совершенно ответственно заявляю, что Любимов привил нам, молодым артистам, любовь к большевизму, к ленинской правде, сплотил вокруг себя коллектив, который пришел к своему четырехлетию единым в своих взглядах и готовым к решению сложнейших задач, поставленных партией перед работниками советского театра, что мы и постараемся доказать в нашей новой работе, в спектакле «Живой» по повести Б. Можаева.

САБИНИН. Если анализировать мое поведение, то, хоть и стыдно признаться, оно было вызвано испугом. Слово «пропасть», употребленное мною, относится только к данному моменту. Мне показалось, что происходит произвол. Когда-то произвол погубил Мейерхольда. Любимов — явление уникальное. Я работаю здесь, потому что учусь. Я испугался, что может произойти непоправимое.

К. ЖЕЛДИН. Для меня смысл работы театра связан с работой в нем Любимова. Я не принадлежу к «мощной» группе, которая была бы довольна его снятием.

Ю. СМИРНОВ. Готов разделить свою судьбу с Юрием Петровичем, пока он здесь. Это моя твердая позиция. Работу найти всегда можно, мы не этого боимся...

ВЫСОЦКИЙ. Выступлений было достаточно. Хотелось бы послушать представителя райкома.

САКИЕВ. Со всей откровенностью и ответственностью заявляю, что Любимов не снят с работы и, как видите, он работает в театре. Вы стали жертвой вредного слуха, который, кажется, две недели тому назад

был передан в эфир западногерманской радиостанцией. Я не знаю, кто в театр принес этот слух, но должен вам сказать, что радиостанции враждебных нам стран часто распространяют всякого рода слухи, чтобы вызвать волнения, сомнения, брожения в социалистических странах. Это одна из программных задач империалистической пропаганды. Вы знаете положение дел в Польше и Чехословакии. Обстановка в мире весьма тревожная. Идеологическая борьба никогда не была столь острой. В военном и экономическом плане империализм терпит от социализма одно поражение за другим, о чем свидетельствует война во Вьетнаме, темпы нашего экономического роста, поэтому основное наступление разворачивается на идеологическом фронте. Вся империалистическая пропаганда много разглагольствует о зажиме демократии, об отчуждении власти от народа в социалистических странах, о нарушении законности и т. д. и т. п.

В этой обстановке нам нужно быть очень собранными, бдительными, нужно взвешивать каждый свой шаг, каждое слово. Нам нужно давать оценку любому явлению с классовых позиций.

В том, что происходит в Польше и Чехословакии, четко видна рука империализма, результаты его пропагандистской работы. Кое-кто и в нашей стране «клюет» на пропагандистскую приманку империалистических служб. Появляются коллективные письма в защиту подонков Гинзбурга и К°. Подписывают эти письма люди из числа творческой интеллигенции, причем передают свои писания за рубеж и считают, что таким образом они помогают своей Родине, «защищают» демократию в ней. Такое поведение этих людей вызывает возмущение у нашего народа, рабочего класса, колхозного крестьянства и передовой части советской интеллигенции.

...Надо в репертуарной политике ориентироваться на показ современной жизни, а мы все копаемся в грязном белье прошлого. Надо, чтобы в политическом театре зритель получал такую идейную нагрузку, такую ориентацию, которая воодушевляла бы его на подвиги ратные в труде сегодняшнего дня, а не наводила бы скуку за ошибки прошлого или не сеяла семена неверия в то, что делается сегодня. Ну что нам дает в этом плане «Живой» по повести т. Можаева. На мой взгляд, ничего хорошего. Разве это хорошая агитация за колхозную жизнь? Какое чувство может вызвать просмотр такого спектакля?! Я бы сказал, весьма отрицательное. Дело не в том, был такой факт в жизни или нет. Я не ставлю сам факт под сомнение. Но разве правомерно такое обобщение, какое делается в повести и пьесе?!

...Освещение истории жизни колхозного крестьянства с таких позиций нас не может удовлетворить. Я еще раз повторяю, показывать жизнь колхозного крестьянства надо, но с правильных позиций. Вы все помните роман Шолохова «Поднятая целина». С какой глубиной показана одна из замечательных страниц истории нашей жизни, когда единоличные крестьянские хозяйства мы переводили на рельсы коллективизма. Какую глубочайшую революцию мы совершили в сельском хозяйстве. Какое замечательное чувство овладевает человеком и окрыляет его, когда читаешь этот роман. И теперь, посмотрите, с какой легкостью бросает т. Можаев тень на колхозную жизнь. Какое чувство вызывает талантливо написанная повесть Можаева?! Тягостное чувство!

Мы не можем быть равнодушными к тому, с каких позиций показывают нам со сцены театра страницы героической истории советского народа. Мы идем в авангарде прогрессивного развития человеческой истории, первыми проложили путь к социализму и теперь прокладываем путь в коммунизм. Поэтому освещение исторического пути нашего

развития требует к себе пристального внимания со стороны партии. Мы будем внимательно следить за репертуаром театра, за его идейным и художественным звучанием.

У вас работает комиссия РК КПСС. Мы сделаем подробный анализ каждой вещи, посмотрим, как исправлены те недостатки, на которые указывали ранее. Надо отказаться от порочной практики, когда до выхода спектакля его просматривает определенная группа людей из различных творческих организаций, которые через печать формируют о нем положительное мнение, умалчивая недостатки, сглаживая их... Этим мы льем воду на мельницу врага. Многие товарищи говорили, что к вам со стороны РК КПСС подходят тенденциозно, при этом ссылались на то, что «Живой» прошел через лит дважды. Я должен всем объяснить, что лит не отвечает за идейное содержание печатания тех или иных произведений. Задача у лита одна — не пропустить гос. тайну в печать. За идейное содержание отвечает редактор и, конечно, автор. Но вам хорошо известно, что за последнее время некоторые редакции* ослабили контроль за идейным содержанием того, что печатают. Это будет исправлено после апрельского (1968 г.) Пленума ЦК КПСС.

АНДРЮША. *Ты вот что запомни — придут к тебе имущество описывать, веди себя тише воды, ниже травы. Понял? Задираться начнут — не вздумай грубить. Сразу загремишь. Пусть берут, что хотят. Только помалкивай. Это заруби себе на носу.*

Сцена «описание имущества».

ПАШКА. *Это же просто симулянт!*

НАСТЯ. *Да он хуже! Тунеядец и протчий элемент, которые раньше в паразитах ходили.*

КУЗЬКИН. (смиренным голосом). *Эх, Настя... И ты, Паша! Понапрасну вы свое красноречие расходуете... Я стал человеком религиозным. Это я раньше не верил ни в бога, ни в черта, ни в кочергу... Ты мне слово — я тебе десять в ответ, ты меня — цап, я тебя по уху... А теперь я прочел в евангелии: ударь меня в правую щеку — я подставлю левую. Так что кляните меня, как хотите, и берите, что хотите. И идите, куда хотите.*

Из пьесы Б. Можаева «Живой»

ЛЮБИМОВ (завершая собрание). «Я был бы очень рад, если бы всегда была такая собранность, политическая зрелость, выдержка и дисциплина. Я горд за вас. Прошу помнить всех об ответственности каждого за свой поступок, особенно сейчас, в трудное для нас время. Я не согласен с отсутствием критического отношения у нас в работе. Считаю, что претензии к нам, как политические, так и художественные, должны быть представлены на коллективе развернуто, а мы со всей ответственностью ответим, что мы будем исправлять, а что нет. И я не позволю порочить себя, как коммуниста. (Вынимает партбилет, потрясает им.) Прошу прощения за повышенный тон, иногда сдержанность покидает человека. Наш ответ на критику — делом.

* Имеется в виду «Новый мир».

САКИЕВ. Коллектив должен коренным образом пересмотреть свое поведение, сделать правильные выводы из случившегося. Надо самокритичнее относиться к своим поступкам и делам. РК КПСС сделает все возможное, чтобы театр стоял на правильных идейных позициях.

Несколько дней над театром «висело» решение об «укреплении» руководства, а потом, как в истории мольеровского «Тартюфа», все решило Высочайшее благоволение. Любимову, в ответ на его письмо в ЦК, позвонили из канцелярии Л. И. Брежнева: «Спокойно продолжайте вашу работу. Товарищ Леонид Ильич желает вам удачи».

В райкоме узнали о звонке и вновь собрали бюро, чтобы... пересмотреть вопрос о рекомендации Управлению культуры «укрепить» руководство Театра на Таганке. И так же, как и несколько дней назад, проголосовали все единодушно.

А 30 апреля из Управления культуры Мосгорисполкома пришло письмо:

«Управление культуры исполкома Моссовета предлагает директору Театра драмы и комедии тов. Дупаку Н. Л. и главному режиссеру тов. Любимову Ю. П. прекратить репетиции пьесы тов. Можаева Б. А. «Живой» до внесения существенных изменений в литературный материал».

ДЕЛО № 2

ДЕМИН. *Товарищ Кузькин, надо же сообща болеть за свой колхоз.*

КУЗЬКИН. *Мы болеем. Да болезнь-то у нас разная. У меня брюхо сводит, а вон у Гузенкова голова с похмелья трещит.*

Из пьесы Б. Можаева «Живой»

В начале 1969 года театр вернулся к «Живому», а 6 марта спектакль смотрела Е. А. Фурцева.

ЛЮБИМОВ. На прогоне не позволили присутствовать ни художнику Давиду Боровскому, ни композитору Эдисону Денисову. Случайно пробрался Вознесенский. Сидел заместитель министра Владыкин, еще кто-то, знаете, я всех их упомнить не могу, они так меняются. Был еще молодой чиновник Чаусов. И сидела уважаемая Екатерина Алексеевна, с которой при всех ее недостатках работать было намного проще, чем с ее последователем Петром Ниловичем Демичевым.

Приехали они с утра. Остались в пальто, в театре было холодно. Приказали закрыть все двери и никого не пускать. От нас сидели директор театра Дупак, парторг Глаголин, я и автор. Случайно забыли выключить трансляцию, и весь театр слышал это обсуждение.

ЗОЛОТУХИН. Я помню, например, такие страшные слова Фурцевой: «В этом театре враги народа подрывают Советскую власть! С этого начиналась Чехословакия, с этих самых идей, с этих вольностей, с этих разговоров, с этой оппозиции к власти! Все это привело к кровавым столкновениям!» И, конечно, был тезис, что мы проповедуем возврат к единоличному хозяйству, выступаем против колхозов. Фурцева кричала, что колхозы спасли народ в войну, а поскольку отец у меня после войны работал председателем колхоза, мне были хорошо знакомы и нищета, и колхозная несправедливость.

ЛЮБИМОВ. После последней сцены первого акта, когда артист Джабраилов в роли ангела пролетал над Кузькиным, Фурцева прерва-

ла прогон. Джабраилов был в мятом, рваном трико (это, конечно, было сделано сознательно). Он летел через деревню Прудки и останавливался над Кузькиным, который рассматривал вещи, присланные приодеть его голодных и холодных ребятишек. Кузькин комментировал, увидев фуражки: «А это уж ни к чему. По весне-то можно и без них обойтись. Лучше бы шапки положили». А ангел ему так говорил, посыпая его манной небесной из банки, на которой было написано: «Манна», ну манка, крупа: «Зажрался ты, Федор. Нехорошо». И тут, значит, Екатерина Алексеевна хлопнула ручкой и сказала: «Есть здесь партийная организация?» Встал бледный, белый Глаголин. Она посмотрела и говорит: «Ясно! Нет партийной организации! Сядьте! Артист, вы там, эй вы там, артист!» Высунулся Джабраилов. Она ему: «И вам не стыдно участвовать во всем этом безобразии?!» Тот маленький, клочки волос торчат, и он испуганно отвечает: «Нет, не стыдно».— «Вот видите,— обратилась она ко мне,— до чего вы всех довели». Потом поэт Вознесенский пытался что-то сказать: «Екатерина Алексеевна, все мы, как художники...» Она ему: «Да сядьте вы, ваша позиция давно всем ясна! И вообще, как вы сюда пробрались? Одна это все компания. Ясно. Что это такое нам показывают! Это же ведь иностранцам никуда даже ездить не надо, а просто прийти сюда (а они любят сюда приходить) и посмотреть, вот они всё увидят. Не надо ездить по стране. Здесь все показано. Можно сразу писать». Она очень разволновалась. А ее спутники изредка поворачивались ко мне и орали. Текст я не мог различить. Потом они обращались к Фурцевой: «Екатерина Алексеевна, извините, мы просто не могли себя сдержать, извините ради бога, что мы себе это позволили». И замолкали в скорбном молчании. Тут вскакивает этот — Чаусов — и спрашивает: «Екатерина Алексеевна, вы разрешите мне сказать от всего сердца?» Она ему говорит: «Скажите, от молодежи». Он ей: «Екатерина Алексеевна, что же это такое они нам смеют показывать! Это же как крепостное право! Это же нельзя удержаться от гнева!» Она ему: «Да, говори, говори им смело все». И вот он возмущался, возмущался, но тут вмешался Можаев. Он зашагал по проходу и сказал Чаусову: «Сядьте!» Тот сел. И Можаев ему так пальцем сделал: «Ай-яй-яй-яй-яй, молодой человек, ай-яй-яй, такой молодой и так себя ведете, как жалкий карьерист. Что же из вас выйдет? А вам, министр культуры, как вам не стыдно, кого вы воспитываете, кого растите». Те обалдели, а он ходил и читал им лекцию про то, что творится, что они себе позволяют, как разговаривают с нами. Это он может. Он вошел в раж, стал весь красным. Вмазал целую речугу.

Потом Екатерина Алексеевна очухалась и сказала: «Ладно, с вами тоже все ясно, садитесь». И тогда она обернулась ко мне: «Что вы можете сказать на все это? Вы что думаете: подняли «Новый мир» на березу * и хотите далеко с ним ушагать?» А я не подумал, и у меня с языка сорвалось: «А вы что думаете, с вашим «Октябрем» далеко пойдете?» И тут она замкнулась. Она не поняла, что я имел в виду журнал «Октябрь», руководимый Кочетовым. Потому что тогда было такое противостояние: «Новый мир» Твардовского и «Октябрь» Кочетова. А у нее сработало, что это я про Октябрьскую революцию сказал. И она сорвалась с места: «Ах, вы так... Я сейчас же еду к Генеральному секретарю и буду с ним разговаривать о вашем поведении. Это что такое... это до чего мы дошли...» — и побежала... С ее плеч упало красивое большое каракулевое манто. Кто-то подхватил его, и они исчезли...

С ними исчез спектакль «Живой».

* К одной из берез прикрепили «Новый мир», где была напечатана повесть Б. Можаева «Из жизни Федора Кузькина».

ПРИКАЗ № 58 УПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ИСПОЛКОМА МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ ОТ 12 МАРТА 1969 ГОДА

Рабочая репетиция, проведенная 6 марта с. г., показала, что автор пьесы т. Можаев Б. А. ничего не сделал для исправления порочной концепции, заложенной в пьесе, а режиссеры-постановщики тт. Любимов Ю. П. и Глаголин Б. А. усугубили ее вредное звучание (ряд мизансцен, частушки, оформление и т. д.). В результате получился идейно порочный спектакль, искаженно показывающий жизнь советской деревни 50-х годов.

На основании вышеизложенного ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Директору театра т. Дупаку Н. Л. и главному режиссеру т. Любимову Ю. П. исключить из репертуарного плана и прекратить работу над спектаклем по пьесе т. Можаева Б. А. «Живой».

2. Произведенные материальные затраты в установленном порядке списать на убытки театра.

Начальник Управления культуры исполкома Моссовета Б. Родионов.

ДЕЛО № 3

АВДОТЬЯ. *Ой, Федя, милый, заберут они тебя. Головушка моя горькая! Что я буду делать с ними, с малолетними?*

КУЗЬКИН. *...Глупой ты стала, Дуня... Ныне времена не те.*

Из пьесы Б. Можаева «Живой»

ЗОЛОТУХИН. Каждую третью весну Любимов возвращался к «Живому». По весне рубили березы и привозили их в театр. Проходили какие-то пленумы, с какими-то общими словами, но эти слова давали зацепку Любимову и Можаеву написать очередное письмо и затеять очередную кампанию с «Кузькиным», хотя в общем-то ничего кардинально не менялось.

Вчера нам закрыли «Живого», а сегодня прошел пленум, или сменился начальник Управления культуры, или какой-нибудь чиновник в ЦК, который занимался нашими делами,— все это давало Любимову повод начать разговор о «Кузькине».

25 апреля 1971 года

Начальнику Управления культуры
исполкома Моссовета
тов. ПОКАРЖЕВСКОМУ Б. В.

Руководство театра еще раз обращается к Вам с убедительной просьбой решить вопрос о возможности просмотра репетиции спектаклей «Берегите ваши лица» А. Вознесенского, «Живой» Б. Можаева с тем, чтобы окончательно решить вопрос о судьбе этих спектаклей.

Директор театра Н. Дупак.
Главный режиссер Ю. Любимов.

На доске объявлений в театре: «По желанию участников спектакля назначается репетиция «Живого» 5 декабря в верхнем буфете».

В конце декабря 1971 года спектакль показали художественному совету театра. А. Аникст говорил: «Слава богу, что это есть». М. Туровская назвала «Живого» «чистым, благородным спектаклем». 3 января 1972 года в театр на просмотр во второй раз приехала Е. А. Фур-

цева. Спектакль опять закрыли. На этот раз тихо, безо всякого скандала. А 10 января Любимов был принят В. В. Гришиным, который предложил ему поездку в Америку. Политика «кнута» прикрылась видимостью политики «пряника».

ДЕЛО № 4

СУДЬЯ. *Возбужденное же уголовное дело Тихановской прокуратурой на Кузькина считать закрытым.*
ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. *Он из воды сухим выйдет! Живой он и есть живой!*
КУЗЬКИН. *Опять мне подфартило. Теперь и вовсе жить можно.*
Из пьесы Б. Можаева «Живой»

В 1975 году министром культуры СССР был назначен П. Н. Демичев. Любимов узнает об этом в Италии, где он ставит в «Ла Скала» «Под жарким солнцем любви» Луиджи Ноно. По возвращении Любимов пишет:

24.04.1975

Многоуважаемый Петр Нилович!

Прошел почти год, как мы сдали доработанный вариант пьесы «Живой» в Управление культуры при Моссовете и в Главное управление Министерства культуры СССР. Нам было обещано рассмотреть нашу просьбу о возобновлении работы над спектаклем с тем, чтобы показать его комиссии. В одно время долгожданное разрешение мы получили от Вашего заместителя К. Воронкова, но через неделю это разрешение он забрал обратно. Мы в крайнем недоумении — с чего бы это? Поданный нами вариант «Живого» хорошо известен читающей публике нашей страны, совсем недавно он был опубликован массовым тиражом и получил положительную оценку прессы: газет «Комсомольская правда», «Труд», «Литературная Россия», журналов «Наш современник», «Смена», «Дружба народов» и др. Мы не понимаем, как можно одновременно разрешать печатать произведение массовым тиражом и запрещать показывать его шестистам зрителям. Что это? Акт непостижимой для нас государственной мудрости или обыкновенный бюрократический произвол? Мы надеемся, что нам, наконец, дозволят показать работу большого коллектива, на которую затрачено так много душевных и физических сил и, кроме всего прочего, израсходованы изрядные средства.

Главный режиссер
Театра драмы и комедии на Таганке Ю. Любимов.
Писатель Б. Можаев.

ЛЮБИМОВ. **Пришел на спектакль П. Н. Демичев. Посмотрел, а потом так вяло спросил своего заместителя Г. А. Иванова (я когда-то работал с ним в Вахтанговском театре. Он играл маленькие роли, и среди них японца, который все время говорил: «Мы подождем», и дождался больших чинов): «Ну как тут у вас в обычном порядке разрешают эти спектакли?» Встал главный редактор журнала «Театр» А. Салынский и сказал: «Замечательно! Можно уже статью заказывать». Демичев весь побагровел и, наверное, подумал про Салынского: «С ума он сошел, ничего не понимает».**

САЛЫНСКИЙ. **Я пытался растолковать Демичеву суть инсценировки: разложение и обнищание деревни, объяснял, как хорошо поставлен спектакль. Советовал разрешить, говорил: «Мы бы заказали статью». Но он был человек непробиваемый. Боялся слово лишнее сказать, проявиться. Он вообще почти никогда ни слова «да», ни слова «нет» не произносил.**

Помню, пришел я к нему по поводу своей пьесы и спектакля в Малом театре «Летние прогулки». Сели мы за отдельный стол. Чай с сушками — притча во языцех. «Что вы пришли? — спрашивает он меня.— Зачем вы волнуетесь? Все будет хорошо». А в это время спектакль закрывали.

ЛЮБИМОВ. Кончился прогон, повалял там вяло министр комедию, что он-де не в курсе. А что ты за министр, если ты не знаешь, как спектакли выпускаются... Нам он только сказал: «Зачем такие частушки?» А Можаев в ответ: «Частушек знаете сколько народ написал — тома, мы другие подберем, если вам эти не нравятся». Потом дали нам 90 замечаний, и мы их два месяца выправляли.

22.05.1975

Кандидату в члены Политбюро ЦК КПСС
министру культуры СССР
тов. ДЕМИЧЕВУ П. Н.

Уважаемый Петр Нилович!

Направляем Вам экземпляр пьесы Б. А. Можаева, отредактированный согласно Вашим замечаниям.

С глубоким уважением

Главный режиссер театра Ю. Любимов

Прошло три недели. Ответа не было.

13.06.1975

Заместителю министра культуры СССР
тов. ВОРОНКОВУ К. В.

В соответствии с замечаниями, высказанными театру и автору по поводу пьесы «Живой», нами проделана работа, в результате которой все имевшие место предложения учтены.

Просим Вас определить день приема спектакля с 16 по 21 июня с. г. и о принятом решении поставить нас в известность.

С уважением

Директор театра Н. Дупак
Главный режиссер театра Ю. Любимов

Хорошо зная законы бюрократии, в тот же день Любимов написал еще одно письмо:

13.06.75

Кандидату в члены Политбюро ЦК КПСС
министру культуры СССР
тов. ДЕМИЧЕВУ П. Н.

Уважаемый Петр Нилович!

Приносим Вам большую благодарность за то, что Вы нашли время приехать и посмотреть репетицию очень важного для театра спектакля «Живой» по пьесе Б. Можаева.

Все Ваши замечания и пожелания, а также замечания товарищей, которым Вы поручили решить вопрос со спектаклем, нами выполнены.

Отредактированный текст пьесы находится у тт. Воронкова К. В., Зайцева Е. В., Покаржевского Б. В.

Однако в течение месяца, несмотря на наши настоятельные просьбы, вопрос со спектаклем не решается. Это мешает нормальной работе и глубоко огорчает весь коллектив.

Убедительно просим Вас, уважаемый Петр Нилович, помочь нам в столь затянувшемся решении вопроса со спектаклем «Живой».

С уважением

Главный режиссер театра Ю. Любимов

24 июня 1975 года Министерством культуры СССР было решено показать спектакль работникам сельского хозяйства и выслушать их замечания.

ЗОЛОТУХИН. Сначала ни Любимов, ни Можаев ничего не поняли, не было ясно, куда все идет. Так это было странно, по сравнению с прежними годами: был разрешен зритель, пришло много народу —

полный зал. Было веселое, счастливое настроение. Мы, наивные, думали, что разойдемся с миром и будем играть спектакль... Хотя нет, какая-то тревога оставалась... Я ведь, когда вышел на сцену, просто ослеп от первых трех рядов: колхозники специально нацепили все свои награды, понимая, что они пришли на серьезное мероприятие.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ОБСУЖДЕНИЯ СПЕКТАКЛЯ «ЖИВОЙ»
24 июня 1975 года

К. ВОРОНКОВ. Мы обратились в Министерство сельского хозяйства с просьбой принять участие в обсуждении и хотели бы, чтобы деятели сельского хозяйства высказались об этом просмотренном спектакле.

Б. МОЖАЕВ. Сегодня мы обсуждаем спектакль перед нашей общественностью и специалистами из Министерства сельского хозяйства. Мне очень хотелось бы надеяться, что сегодняшнее обсуждение не будет перенесено в колхоз или совхоз, чтобы обсудить спектакль еще один раз, перед колхозниками, но уже рядовыми. Я полагаю, Константин Васильевич, что это все-таки будет последнее обсуждение, которых, на самом деле, было очень много.

И. КУХАРЬ (председатель колхоза им. Владимира Ильича Ленинского р-на Московской области). Прежде чем сказать о самой пьесе, хотелось бы поблагодарить артистов, которые действительно вложили много труда в этот спектакль. Они должны играть хорошо и играли очень хорошо. Но о самой пьесе нужно поговорить и серьезно подумать, над чем работали в этой пьесе и что было в те годы.

Все было. И немножко голодали... Но помните, что партия целенаправленно работала над вопросом о том, как быть, какими путями улучшить дело. Помните, что начали укрупнение колхозов, и как колхозники на это реагировали, как переходили к вопросам материальной заинтересованности.

На Украине в 1943—1944 годы летом я работал на жатве и заработал 50 килограммов зерна. Но люди все-таки активно работали, работали на полях, где были мины, взрывались на этих полях, но продолжали делать то, о чем мечтали, что — мы сегодня видим — осуществилось.

Хотелось бы пригласить артистов в наш колхоз, чтобы вы посмотрели на нашу жизнь и работу, даже на те перемены, которые произошли после мартовского Пленума.

Есть вещи, которые действительно нельзя забывать, но нельзя на факте одной семьи показывать весь колхоз. В этой пьесе не чувствуется решающая роль государства и партии.

...Тема спектакля щепетильная, и она не дает того, с чем нужно идти дальше. А идти вперед мы обязаны, как бы трудно нам ни было.

К. КАЛИНИН (заместитель министра сельского хозяйства). Я беру на себя смелость выступить здесь только потому, что я всю свою жизнь отдал сельскому хозяйству. Я не родился заместителем министра. Больше 30 лет я работал директором совхоза, зоотехником совхоза на центральной усадьбе, затем директором, затем вот в аппарате министерства. Все эти годы, все эти невзгоды, которые вы видели на сцене, я их перестрадал, я их знаю. В эти годы сельское хозяйство работало очень трудно. Мучительно становилось на ноги и все-таки встало на ноги. Были разные в нем люди, были и такие, о которых очень талантливо рассказал коллектив театра. Им надо отдать должное и за это поблагодарить. Но, товарищи, что же из себя представляли председатели тех лет, которые показаны? Большинство из них — это были полуграмотные люди с четырьмя классами образования. Могли среди них быть и такие, которых вы видели на сцене. Да, они были. Но типично ли это явление для нашего хозяйства? Да нет же. Нет. (*Хохот в зале.*) Подождите смеяться. Он мог бы быть таким, каким вы его видели на сцене? Я думаю, товарищи, не мог. Не мог, потому что не мог так безучастно относиться к этому коллектив колхоза. Они смотрят, как председатель издевается над человеком? Да тот, кто бывал на колхозных собраниях хоть один раз в те годы, он никогда не поверит в то, что было на сцене, потому что так никогда не было. Если бы вы были на таком собрании, вы бы видели, как коллектив отнесся бы к этому делу. Этого председателя растерзали бы на куски, потому что каждый из них знает, что он тоже может попасть в такую коллизию, в какую попал этот человек. В коллективе таком разве были одни порядочные люди, разве одни фронтовики, разве не было комсомольцев, молодежи, которая всегда поддерживала того, кого прижимают, прищемляют. Нет. Так не могло быть. Я глубоко, искренне убежден, что так быть не могло. Поэтому так, как было на сцене... это не годится. Так не могло быть. Это неправда.

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Это правда. (*Шум в зале. Любимов успокаивает людей.*)

В. ЦАРЕВ (журналист из «Сельской жизни»). Неправда это. Неверно. Исторически не соответствует действительности. И в связи с этим я должен спросить: надо ли нам такой спектакль показывать молодежи, которую мы хотим научить, как было? Так-то не было...

А. ПЕРФИЛЬЕВА (секретарь партийного комитета Министерства сельского хозяйства). Я бы хотела в своем небольшом выступлении вот о чем сказать. Кончила я техникум, работала агрономом, кончила Тимирязевскую академию, работала на машинно-тракторной станции, агрономом, директором МТС, начальником районной инспекции, председателем райисполкома, первым секретарем обкома партии...

Что бы я хотела вам сказать о своем впечатлении по спектаклю... Можно только пожелать, чтобы пьесы на сельскохозяйственные темы играли так же хорошо, как сегодня играла труппа театра. Теперь о том, о чем выступали товарищи. Правда это или неправда? Нужен такой спектакль или нет? Я бы вот о чем сказала, что труженики в сельском хозяйстве в деревне были и есть. Что колхозникам трудно жилось, особенно в годы послевоенные. Вот когда я кончила Тимирязевку и приехала в Хвостовичеcкий, в один из отдаленных колхозов Калужской области, то я увидела и лапти, и поневы, и хлеб из колосков и мерзлой картошки, и сама его ела, и насекомых привозила домой к матери, отмывалась после поездок по колхозам, и ноги отмораживала... Были ли такие в колхозах работники? И ситуация, показанная на сцене? Вы меня извините, дорогие товарищи авторы, но вы не в ладах с истиной...

Таких сцен в суде не было и быть не могло. Это надуманная сцена. Юрист в роли прокурора. Он ведет допрос прямо по Чехову. Зачем же его эдаким глупцом изображать? Фамилию, адрес и прочее... Действительно было, землю отрезали у тех, кто ушел из колхоза, кто не вырабатывал минимума трудодней. Но обыгрывание этой сцены в присутствии малых детей, потрясание и пение каких-то евангельских напевов, зачем это нужно? Кому это нужно?.. Сказать, что наше время — гниль, это значит не знать жизни, дорогие товарищи. И еще, что я хотела бы сказать. Вот тут показаны районные руководители, област-

ные руководители. В печати, в сатирических, юмористических подчас, сценах, описаниях сквозит... Глупцы ведь, они на любом уровне встречаются... (Оживление в зале.) Но ведь этого глупца по-разному преподнести можно. Сцена, когда председатель райисполкома распоряжается, чтобы семье Федора выдать буханку хлеба. Не было этого и не могло быть, черт возьми! Потому что у председателя райисполкома других дел по горло. И мне, бывало, господи прости, поесть самой некогда было, все бегом, потому что все время люди, все время заботы, и о тех же дорогах, о которых здесь показывали, и о школах, и о больницах, и о том, и о сем... То есть это тоже надуманная ситуация. Председатель райисполкома мог допустить неквалифицированное руководство колхозом, быть в каких-то вопросах необъективным, но эта сцена, тоже простите, натасканная. И еще мое впечатление: сам сценический показ своеобразный. Это, наверное, может быть поиск и находка сценаристов и художников. Но знаете, я не знаю, вызывает ли чувство восхищения исполнение скабрезных частушек. И сцена с ангелами не совсем пристойная...

П. ЗВЕГИНЦЕВ (Министерство сельского хозяйства). Сатира тоже имеет предел. Она должна быть объективной. В данном случае односторонне показана жизнь колхозного крестьянства. Хотелось бы, чтобы автор подработал пьесу. Я думаю, что специалисты нашего министерства помогут доработать, чтобы пьеса пошла на сцене. А сейчас это, может, не вина артистов, а их беда, в том, что они хорошо играли, но наше мнение — мнение специалистов сельского хозяйства: массовому зрителю преподносить пьесу в таком виде нельзя.

Вспоминает В. ЗОЛОТУХИН. Они все время говорили и смотрели на меня, потому что все это время я сидел на сцене, в гимнастерке, при медалях Кузькина, и все это записывал. Потом перестал, потому что понял, в какую чудовищную историю мы попадаем. И еще самое интересное: спустя три-четыре года приехал я на один племенной конезавод. Меня попросили выступить перед работниками, которые отдыхали в профилактории. Там было человек 50, и выступление должно было быть за столом. Тогда это было не запрещено, была и водка, и всякая закуска. Через 15 минут появляется директор, у него на груди депутатский значок и медаль Героя соцтруда. Он мне говорит: «А ведь мы с вами знакомы. Мы однажды встречались». Спрашиваю: «Где?» Он отвечает: «Я смотрел у вас очень хороший спектакль. Мы этот спектакль закрывали». Тут до меня доходит, что он один из тех, кто выступал на обсуждении «Кузькина». И он мне рассказал, что их собрали за полторы недели до спектакля, поместили в гостинице (значит, им платили суточные) и читали лекции, учили.

Я говорю этому директору: «Как же вы сейчас так хвалите спектакль, а тогда?..» «Да,— продолжал он,— спектакль был хороший, и нам об этом сказали, но добавили, что именно поэтому его нельзя показывать. Всю правду народ знать не должен». Для меня это было потрясение, что я вот говорю с человеком, который решал судьбу театра и мою личную. Когда сделали этот спектакль, в театре шутили, что я проснусь после премьеры знаменитым, как Москвин после «Царя Федора Иоанновича».

Ю. ЧЕРНИЧЕНКО (журналист). Актерище какой — Золотухин. Все его давно знаем. Он примелькался, как известный актер, а теперь мы его признаем, как Большого актера.

В. ИСАЕВ (председатель колхоза им. Горького). Что хотелось бы сказать об этой постановке? Я прожил свыше 60 лет и всю жизнь посвятил сельскому хозяйству. По образованию я ветеринарный врач, окончил институт в 1938 году.

Откровенно говоря, сегодня постановка не понравилась. Прав ли я, вам судить. Актеры играли замечательно, особенно Золотухин, в которого я просто влюблен. Давно мечтал увидеть его на сцене. Это перспективный актер. Но сама постановка не отражает действительности, которую хотелось бы увидеть. (Смех в зале.)

К. ВОРОНКОВ. Юрий Петрович, ваши гости ведут себя нехорошо.

Ю. ЛЮБИМОВ. А мне кажется, ваши. (Смех в зале.)

Вспоминает В. ЗОЛОТУХИН. Противоречие: спектакль плохой — актеры хорошие, выявляло подноготную этого сборища. Поскольку обсуждающим было велено спектакль закрыть, они неумело подчеркивали тезис: спектакль плохой, спектакль вредный, режиссер не справился со своей задачей, а непосредственному чувству сопротивляться не могли, поэтому и хвалили актеров.

Это была чудовищная акция. Она еще найдет свое сатирическое воплощение, потому что если раньше спектакль закрывали сами чиновники, то теперь они подготовили мнение народа. Руками народа закрыли спектакль «Живой», руками специалистов по сельскому хозяйству.

Ю. ЛЮБИМОВ. Я расстроен, Константин Васильевич, уважаемый. Зачем создана такая страшная атмосфера и столкнули людей искусства с людьми, которых мы глубоко ценим и уважаем. Это неправильно. Это абсолютно неправильно... А делаем мы с вами одно общее дело... Вы опять поделили зал на «ваших» и «наших». Извините. Вы устроили просмотр. Товарищ министр спектакль разрешил. Товарищ министр сказал: «Политически спектакль правильный. Он политически звучит правильно. Посоветуйтесь с товарищами, выслушайте их замечания. Учтите что-то, может, где-то соленого много» — имелись в виду частушки народные. Вы знаете — все вы люди взрослые, что частушки бывают и не такие. Помните знаменитую о борьбе за мир: «С неба звездочка упала... и попала... хоть бы все там оторвало, лишь бы не было войны». И все поют, и все хохочут, так что здесь еще тактичные частушки. Вот было сказано про частушки. Ведь я человек очень точный. Потому что вы учтите, дорогие люди, мы же 8 лет это сдаем. А получаем только по шее... Что нами движет? Выгода? Что, мы с Можаевым, вредители, хотим вредить, записываем Кузькина в советское общество насильно? Да если бы было много таких Кузькиных, нам было бы значительно легче. Это же несерьезно. Мы с Можаевым не хотим вас обижать, но мы же что-то понимаем в своем деле...

Что происходит с нами? Мы выслушали ваш суровый приговор. Иногда в какие-то вещи вы просто не проникали. Вы рисуете примитивные схемы, далекие от жизни и от искусства.

Потом вы, может быть, измените свое мнение. Верю, что это глубоко честное произведение. Ведь здесь происходит очередное беззаконие...

РЕПЛИКА ИЗ ЗАЛА. Можно по существу?

ЛЮБИМОВ. Спектакль может идти по всем советским законам, а он не идет, поэтому я чувствую, что будет другая инстанция. Но мы это делаем и будем делать. Тут я приложу все усилия, как и во все 8 лет, чтобы он пошел.

МОЖАЕВ. Я, товарищи, как автор пьесы, и режиссер-постановщик Любимов, когда приглашали министра культуры тов. Демичева на спектакль, слышали, что Петр Нилович сказал: «На спектакль должна быть приглашена общественность со стороны сельского хозяйства». Мы специально задали ему вопрос: будут ли писатели? «Обязательно, пусть и писатели примут в этом участие, и общественные деятели, и театральные»,— сказал он. Этот разговор шел при свидетелях. А товарищ Воронков злоупотребляет. Я, товарищ Воронков, довожу до вашего сведения, что здесь я написал пьесу, и театр ее поставил, не про надои молока, не про то, на какую глубину пахать и на какой высоте срезать колос. Я могу поговорить со специалистами сельского хозяйства и на эту тему, но в другом месте. Здесь мы обсуждаем спектакль, и пожалуйста, тов. Воронков, дайте высказаться не только специалистам сельского хозяйства — а и Михаилу Михайловичу Яншину, народному артисту СССР (аплодисменты), Солоухину...

ВОРОНКОВ. Нет... Минутку... Всем дам слово. Мы по договоренности и с Юрием Петровичем, и с автором пьесы, по договоренности с министром культуры Демичевым пригласили деятелей сельского хозяйства. Я в самом начале сказал, что этот спектакль многократно обсуждался и писателями, и деятелями театрального искусства. Важно послушать сегодня специалистов сельского хозяйства, ведь они прибыли из области, из министерств...

М. ЯНШИН. ...Мы всегда готовы прислушаться к мнению специалистов. Прислушаться, но, извините, не слушаться. Топорков (актер МХАТа.— *Г. А.*) мне однажды рассказывал, как он пригласил на спектакль дантиста. Тот посмотрел и говорит: «Великолепно. Просто потрясающе. Только с правой стороны коронка поблескивает». Это не просто анекдот. Товарищи, ведь это для нас, работников театра, серьезный, кровный вопрос. Мы пытаемся что-то делать, может, неудачно, может, иногда не хватает таланта. А иногда — и хватает таланта, а за это его — по шапке. Тоже ведь бывает. Нужно учесть, что талантливого человека необязательно бить по голове, иногда его нужно сохранить. И если он талантливый, он сам поймет, что надо и что не надо.

В. СОЛОУХИН. ...Я не знаю, что стали бы говорить на обсуждении «Ревизора» ревизоры и городничие, если бы в свое время их туда пригласили. (Аплодисменты.)

С. ЗАЛЫГИН. ...Прошли те времена, когда мы были сыты хлебом единым. Нужно относиться бережно к тем достижениям искусства, которые создают люди, трудящиеся на этой ниве.

Г. БАКЛАНОВ. Здесь выступал довольно молодой человек, работник сельского хозяйства и говорил: «Было, было, но не было...» В вашем «но не было» повелительное наклонение. Было, но искусству запретили писать, что было, вот что в вашем «но не было».

...Было здесь и такое утверждение: авторы взяли нездоровые явления и сделали их предметом сатиры... А если бы здоровые явления подвергли бы сатире, это что, хорошо было бы? Подумайте сами. Именно нездоровые явления и должны становиться предметом сатиры. За что тут авторов обвинять? Как же иначе был бы написан «Ревизор» Гоголя?

ВОРОНКОВ. Я от всего сердца благодарю товарищей, которые здесь выступили. Большая благодарность всем, кто принял наше приглашение и участвовал в просмотре. Юрий Петрович, передайте самую высшую благодарность актерам. Они сегодня великолепны. Большое спасибо, но на этом мы сегодня закончим.

Спустя несколько дней Ю. П. Любимова и Б. А. Можаева вызвали в Министерство культуры СССР.

ЛЮБИМОВ. И тут пошел уже такой горячий, мягко выражаясь, разговор, что при дамах и вспоминать несколько неприлично. В разгар разговора в кабинет вошел Кухарский: «А чего это вы с ним разговариваете здесь,— удивился он.— Все ясно. Надо это дело заканчивать». А Можаев не понял и спрашивает у меня: «А это кто такой?» Я ему говорю: «Извини, Борис, это вот у нас такое министерство. Это первый заместитель Петра Ниловича». А тот сказал Можаеву: «А вы вообще свободны». Можаев ответил: «Так я и без вас освобожусь», а мне говорит: «Юрий, я пойду, я у них не работаю, а тебе, бедному, конечно, надо сидеть». Можаев ушел, а текст пошел уже почти что нецензурный...

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ КОЛЛЕКТИВА ТЕАТРА 4 июля 1975 года

ЛЮБИМОВ. Тов. министр изменил свое мнение в отношении спектакля «Живой» — спектакль запрещен. Спектакль — «вредный, очернительский и показан быть не может». Я, как коммунист, не согласился, и будем советоваться выше.

По просьбе Любимова сотрудники театра высказали свое мнение о спектакле.

БОРОВСКИЙ. Спектакль для театра стал уже больше, чем спектакль. Он очень связан с судьбой театра. Он мне дорог, и я не сомневаюсь в идейно-смысловой значимости. Семь (восемь.— *Г. А.*) лет — невероятный срок для выдержки, но я снова посмотрел... он не потерял ни художественности, ничего. И восторжествовать справедливость должна.

Любимов провел голосование: «Кто за то, чтобы считать спектакль жизненно важным для театра?»

Голосуют единогласно.

13 ноября во французской газете «Монд» вышла статья «Почему «Жизнь Федора Кузькина» не преодолела преграды цензуры?». В статье были напечатаны выдержки из стенограммы обсуждения «Живого» работниками сельского хозяйства. На Западе посмеялись над «странными» советскими порядками, а у Любимова начались новые неприятности. Опять полетели письма, опять на время замолчал телефон — боялись звонить...

Но это уже другая история.

. . . .

В феврале 1989 года в Театре на Таганке состоялась премьера спектакля «Живой». Постановка известного режиссера Юрия Любимова, гражданина Израиля. Израиль оказался единственной страной, которая за гражданство не требовала просить политического убежища. Этого Любимов не хотел.

ЛЮБИМОВ. Сегодня надо сличить все «показания»... Для истории очень важно, как это все происходило, потому что в результате таких историй расстреливали людей. Погубили Мандельштама, Бабеля, му-

чили Мейерхольда, миллионы людей погибли, благодаря таким же методам.

Сегодня всё надо восстановить. В некоторых учреждениях это лежит в архивах. Вот когда перестройка достигнет того, что и эти учреждения откроют свои архивы и начнут печатать некоторые материалы, будет интересно. Я ведь уверен, что все мои разговоры, которые я вел наедине с Гришиным, и с Демичевым, и с Зимяниным, сохранились. Многие из бывших руководителей продолжают работать. Вот Петр Нилович ушел с почетом на пенсию, а перед этим сколько он людей на тот свет отправил от инфаркта или выгнал за рубеж.

ЗОЛОТУХИН. У меня есть своя тревога, личная. Прошло много лет. В театр придут люди, которые читают газеты, слушают радио, всё знают. Что увидят они? Как бы не случилось разочарования... Вот что меня сейчас больше всего беспокоит.

Юрий Петрович выдвигает тезис, что во все века, во все времена побеждает искусство. Если оно есть, то значит...

Как прозвучит спектакль на фоне сегодняшней острой информации? От иной даже волосы шевелятся, что мы натворили! С этой информацией наши былые подтексты или тексты сравниться, конечно, не могут, поэтому взять мы можем только искусством.

> КУЗЬКИН. *Значит, судьба меня пытает. Она мне поставила точку на Фролов день, а я ей запятую, запятую...*
>
> Из пьесы Б. Можаева «Живой»

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 3 «ГОРИЗОНТА»

По горизонтали. 7. Шатрова. 8. Меларен. 13. «Карманьола». 14. «Двенадцать». 15. Сиваш. 16. Расстегай. 17. Олива. 20. Динамик. 23. Ноктюрн. 24. Кашемир. 25. Такса. 26. Месяц 27. Дагомея. 28. Галоп. 30. «Шалаш». 32. Боровик. 34. Отрезок. 35. Ротонда. 40. Серов. 41. Джульетта. 42. Норка. 45. Монограмма. 46. Аккредитив. 47. Рубидий. 48. Морошка.

По вертикали. 1. Малахит. 2. Грамматика. 3. «Квант». 4. Шемая. 5. Канцелярия. 6. Сентаво. 9. Ботаник. 10. «Фауст». 11. Адрес. 12. Семафор. 18. Кассиопея. 19. Стрекалов. 21. Кабачок. 22. Реполов. 23. Нивелир. 29. Астрономия. 31. Андроников. 32. Боржоми. 33. Контакт. 36. Ледоруб. 37. Алдан. 38. Бекар. 39. Скрипка. 43. Аршин. 44. Сезон.

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ АНАТОЛИЯ ЗВЕРЕВА (1931—1986)

Год моего рождения — 1931, день рождения — 3 ноября. Отец — инвалид гражданской войны, мать — рабочая.

Учился очень неровно и имел оценки всякие: по отдельным предметам или «отлично», или контрастное «два». Впоследствии мне удалось каким-то образом окончить семилетку и получить неполное среднее образование, чем я гордился перед самим собой, кажется, больше, нежели перед другими.

Детство в основном проходило дико, сумбурно... Желаний почти что никаких, кажется, не было. Что же касается искусства рисования, то художником я не мечтал быть. Но очень часто хотелось и мечталось, чтобы троюродный брат рисовал мне всегда коня. Тем не менее рисование мне, по-видимому, удавалось, и впоследствии оно так или иначе прижилось. Когда был в пионерском лагере — не стесняясь, могу сказать,— создал шедевр на удивление руководителя кружка: «Чайная роза, или Шиповник», а когда мне было пять лет (еще до упомянутого случая), изобразил «Уличное движение» по памяти, в избирательном участке, где до войны детям за столиками выдавались цветные карандаши и листы бумаги для рисования.

Что касается дальнейшего моего рисования — началась Отечественная война. Всех стали эвакуировать, кого куда. Я вместе с двумя сестрами, отцом и матерью оказался в Тамбовской области. Конечно же рисования никакого не было, да и, наверное, не могло быть...

В Москве, когда мы приехали по окончании войны, люди жили еще по карточкам-«талонам», на пайке, в нужде. А рисование продолжалось из-за случайностей: например, из газеты «Советский спорт» — «Острый момент у ворот московского «Спартака». В моем альбомчике появились рисунки черной тушью, исполненные пером после длительного перерыва, в сорок пятом — сорок шестом году. Затем — рисование, живопись, лепка, занятия гравюрой (по линолеуму), выжигание по дереву в двух парках — «Сокольники» и «Измайлово», в их летних городках. Затем — в двух домах пионеров... Потом (тоже случайно) учился и закончил ремесленное училище (два года), ну и понемногу посещал иногда кое-какие студии «для взрослых» и даже, быть может, мог бы подзастрять в одном художественном училище, которое находилось на Сретенке (под названием, кажется, «1905-го года»). Но в нем я пробыл очень мало. С первого курса был уволен «из-за внешнего вида». Плохое материальное положение решило исход моего пребывания там. Затем работал в парке «Сокольники» (после окончания художественного ремесленного училища работать приходилось в основном маляром). Всюду мне не везло, но рисование и живопись остались неизменными занятиями...

1985